

3. Основные формы косвенной зависимости от капитала.—Работа на скупщика и раздатчика.—Экспроприация мелко-буржуазных производителей.

Слова „работа на скупщика“ не охватывают всех сложных и изменчивых отношений между представителем торгового капитала и теми производителями, которых он шаг за шагом подчиняет себе. Наиболее естественная классификация этих отношений—по крайней мере их основных типов—получается в том случае, если исходить из степени приближения торгового капитала к производственной сфере.

Пока продукты производятся исключительно для собственного потребления, каждое хозяйство живет совершенно замкнутой жизнью и не нуждается для своего воспроизводства ни в каких связях с другими хозяйствами. В нем самом производятся не только все средства существования, но и все средства и орудия труда, необходимые для продолжения и расширения производства (точнее, совокупности производства, необходимых для существования данной экономической ячейки). После того, как продукт произведен, он непосредственно затрачивается на нужды данной хозяйственной единицы, будет ли это родовая община, или феодальная группа, или крестьянская семья старинного строя: из сферы производства продукт прямо переходит в сферу потребления.

Чем дальше заходит превращение продукта в товар, тем радикальнее изменяется это положение, тем больше порывается непосредственная связь между производством и потреблением. Сапожник, напр., производит обувь, которая, как таковая, не требуется ни для него лично, ни для его производства,—и не производит ничего иного, кроме обуви, когда личные отношения достигают довольно высокой степени развития. Следовательно, он должен снова и снова получать извне, из других экономических ячеек, все предметы своего личного потребления: хлеб, мясо, одежду, дрова, и все предметы производительного потребления:

кожу, гвозди, дратву, нити и т. д. Иначе он не может воспроизводить свою рабочую силу: существовать и сохранять свою работоспособность,—и не может возмѣщать матеріальные элементы, потребленные в производствѣ.

В натуральном хозяйствѣ непосредственно реализуется потребительная стоимость произведенныхъ продуктов: они потребляются. Хозяйство товаропроизводителя должно реализовать стоимость произведенныхъ продуктов: замѣнить эту стоимость, существующую в такой потребительной формѣ (обувь), в которой хозяйство не нуждается, стоимостью или стоимостями, существующими в тѣхъ разнообразныхъ потребительныхъ формахъ, которыя в данный момент необходимы для жизни производителя и продолженія производства (хлѣбъ, кожа и проч.). Эта реализація осуществляется посредством обмѣна. Если мы предполагаемъ достаточно развитое мѣновое общество, то стоимость товара реализуется прежде всего в деньгахъ: производитель продаетъ свой товар за деньги и только потомъ замѣняетъ это абстрактное, общее воплощеніе стоимости такими конкретными ея воплощеніями, какъ мясо, одежда, шило и т. д.: покупаетъ на деньги необходимые ему товары. Покупая мясо у мясника, одежду у портного, сапожникъ тѣмъ самымъ даетъ возможность мяснику и портному реализовать стоимость ихъ продуктовъ,—слѣдовательно, сдѣлать первый шагъ къ возмѣщенію тѣхъ потребленныхъ элементовъ, которые необходимы для дальнѣйшаго существованія производствъ мясника и портного. Иначе говоря, существованіемъ каждаго изъ товаропроизводителей предполагается существованіе дѣлаго ряда другихъ товаропроизводителей.

Такимъ образомъ, в обществѣ товаропроизводителей продукты переходятъ из сферы производства в сферу потребленія при посредствѣ ряда мѣновыхъ актовъ,—очень длиннаго ряда, если мы предположимъ, что функціи обмѣна сосредоточиваются в рукахъ особыхъ посредниковъ, расчленяющихся на группы скупщиковъ, оптовыхъ купцовъ, мелкихъ торговцевъ и т. д. Обмѣнъ, рассматриваемый какъ процессъ, является перемѣщеніемъ продуктовъ изъ тѣхъ хозяйствъ, которыя ихъ производятъ, в другія хозяйства,—в тѣ, которыя ихъ потребляютъ. Посредствомъ обмѣна товаровъ осуществляется обмѣнъ веществъ между формально самостоятельными экономическими ячейками,—совершенно такъ же, какъ обмѣнъ веществъ между отдѣльными частями организма осуществляется посредствомъ кровообращенія. Этотъ обмѣнъ веществъ—передвиженіе изъ ячеекъ, которыми они выработаны, произведены, в ячейки, которыми они будутъ использованы, потреблены,—это постоянное перемѣщеніе в противоположныхъ направленіяхъ, это обращеніе продуктовъ, производимыхъ не для собственнаго потребленія, становится такимъ же необходимымъ условіемъ существованія общества товаропроизводителей, какъ кровообращеніе—

для существованія организма. Превращеніе продукта в товар есть в то же время развитіе сферы обращенія как необходимаго связующаго звена между сферой производства и сферой потребленія. С такой точки зрѣнія, исторія собственно торговаго капитала есть исторія послѣдовательнаго развитія этой сферы, превращающейся в самостоятельную отрасль экономической дѣятельности особой профессиональной группы, купцов.

Поскольку капитал противостоит производителю исключительно в образѣ скупщика, поскольку его дѣятельность ограничивается сферой обращенія, он остается чисто торговым капиталом. То же и в том случаѣ, когда капитал противостоит производителю как продавец, как необходимый посредник при снабженіи производителя средствами существованія, орудіями труда, сырыми и вспомогательными матеріалами. Если перед нами общество мелких товаропроизводителей, то капитал, выступающій перед одними из них в качествѣ продавца, должен, очевидно, выступать перед другими в качествѣ покупателя: для того, напр., чтобы доставить суконщикам необходимое количество шерсти, капитал должен сначала пріобрѣсти ее у крестьян,—равно как и для того, чтобы доставить сукно крестьянам, необходимо предварительно скупить его у суконщиков. В этом смыслѣ можно сказать, что работа на скупщика—первичная форма подчиненія капиталом непосредственных мелких производителей. При этом безразлично, вѣдряется ли эмбриональный капитал на пути от сферы производства к сферѣ личнаго потребленія,—напр., на пути хлѣба от крестьянина к ремесленнику, сукна от суконщика к крестьянину,—или на пути от сферы производства к сферѣ производительнаго потребленія,—напр., шерсти от крестьянина к суконщику, серпа от кузнеца к крестьянину, ткацкаго станка от столяра к ткачу¹⁾.

Дѣятельность скупщика цѣликом протекает в сферѣ обращенія и исчерпывается актами купли-продажи. Основной источник его прибыли—„надбавки“ („накидки“) к покупным цѣнам товаров. Его прибыли по своему общему характеру—чисто торговая прибыль. Все дѣло сводится

¹⁾ Если продукт мелких производителей сосредоточивается в первую очередь у сеньера (рента продуктами, натуральный оброк), то аренда для дѣятельности скупщика сужается, торговый капитал развивается медленно, преобладающая роль во внутренней торговлѣ долже остается за сеньерами. Все это—симптом значительной живучести собственно феодальных производственных форм, перевѣса их над буржуазными формами. Напротив, переход к денежной рентѣ (денежному оброку) свидѣтельствует о болѣ высокой ступени развитія буржуазнаго общества,—и в то же время расширяет арену для функций капиталистическаго скупщика, вмѣстѣ с тѣм помѣщик превращается в чисто паразитическаго потребителя.

к тому, что мелкій производитель, соединявшій в одном лицѣ и производителя и торговца, утрачивает нѣкоторыя из своих функций, именно торговля, и выполнение их становится специальным и исключительным занятіем новой профессиональной группы, торговых посредников между производителями и потребителями. С появленіем торговых посредников ремесленник (и крестьянин) не утрачивает своей производственной самостоятельности: он попрежнему остается хозяином своей мастерской и всѣх средств труда, от него попрежнему исходят всѣ распоряженія. Он просто развивается в болѣе чистый тип производителя по преимуществу.

Но за формальной производственной самостоятельностью могут скрываться различные степени экономического подчиненія капиталом, который начинает эксплуатировать производителя и как продавца и как покупателя: как продавца готовых продуктов,—как покупателя средств существованія и производства. Быстрота и степень этого подчиненія опредѣляется конкретными условіями каждой отрасли производства. Чѣм менѣе производство работает на рынок, тѣм медленнѣе идет подчиненіе (крестьянин). Чѣм застойнѣе и тѣснѣе рыночныя отношенія, чѣм ближе рынок к производителю, тѣм дальше послѣдній может сохранять экономическую самостоятельность (деревенскіе сапожник и портной). При легкости пріобрѣтенія сырья—или при таком его изобиліи, что оно достается почти „даром“,—мелкій производитель прочно защищен с этой стороны от покушеній торговаго капитала (обработка дерева: производство мебели, деревянной посуды, игрушек и проч.—в лѣсистых мѣстностях).

Измѣненіе в каждом из этих основных условій,—а их перечень далеко не полон,—угрожает экономической самостоятельности непосредственнаго производителя. Так, между деревенским сапожником и его заказчиками нѣтъ никаких посредников. Но кожу, колодки и проч. он должен покупать у городского торговца, который диктует ему свои цѣны. С развитіем путей сообщенія старые заказчики все болѣе начинают покупать обувь в городѣ. По мѣрѣ того, как мануфактурное раздѣленіе становится основным принципом организаціи промышленнаго труда, сфера дѣятельности сапожника суживается и еще в одном направленіи: раньше он сам кроил обувь из кожи,—теперь он пріобрѣтает в городѣ „заготовку“, производимую опытными специалистами и обходящуюся дешевле, чѣм в том случаѣ, если бы сапожник упорствовал в работѣ по-старому. И чѣм больше суживается сфера дѣятельности сапожника, тѣм затруднительнѣе становится его положеніе,—тѣм легче закабалается он торгово-ростовщической эксплуатаціей.

Послѣдній примѣръ между прочим еще раз показывает, насколько обманчиво такое основаніе для классификаціи различных экономических

формы, как „длина пути“, по которому продукт проходит от производителя к потребителю. Этот признак мог бы имѣть рѣшающее значеніе, если бы торговый капитал овладѣвал производителем только как продавцом готового продукта. В дѣйствительности ресурсы торгового капитала, наступающаго на мелко-буржуазное производство, несравненно шире и разнообразнѣе: не затрагивая сферы обращенія готового продукта, капитал может вѣдриться в сферѣ обращенія того сырья, из котораго производится этот продукт,—и с таким же успѣхом присвоивать прибавочный труд мелкаго производителя, как в других отраслях промышленности это дѣлает скупщик готовых продуктов. Сапожник нашего примѣра завоевывается торговым капиталом не как продавец, а как покупатель¹⁾.

В тѣх случаях, когда дѣятельность торгового капитала примыкает к старинным крестьянским подсобным занятіям, к семейной домашней переработкѣ собственнаго сырья, капиталист в теченіе долгаго времени выступает исключительно в качествѣ скупщика (деревенское производство полотна, сукна, ряднины, деревянной посуды и проч.). Пока эти занятія остаются чисто подсобными, пока крестьянин может выносить на рынок лишь небольшую долю соответствующаго продукта, его позиція остается прочной. Даже величайшая зависимость от скупщика не измѣняет существенно его общаго экономическаго положенія, если дѣло ограничивается избытками какой-либо из второстепенных отраслей совокупнаго семейнаго производства. Напротив, сопротивление мелкаго производителя сламывается тѣм успѣшнѣе, чѣм быстрѣе растет феодальная эксплуатація и исторически-преемственные, производныя от нея формы эксплуатаціи (денежный оброк, всевозможные платежи государству и проч.). Для отбыванія всѣх повинностей крестьянину приходится выносить на рынок все большую массу продукта, он становится вынужденным производителем на рынок. Тѣм самым расширяется возможность не только торговой, но и ростовщической эксплуатаціи. Когда подходит срок платежей, мелкій производитель идет на какія угодно

¹⁾ В новѣйшее время это явленіе особенно часто наблюдается в пекарном промыслѣ. Онъ еще недавно служил излюбленною иллюстраціей жизнеспособности самостоятельнаго мелкаго производства,—несомнѣннѣйшаго „ремесленнаго“ производства, если положить в основу классификаціи длину пути от производителя к потребителю: мелкій пекарь продает хлѣб непосредственно потребителям. При внимательном разсмотрѣніи оказывается, что эта „самостоятельность“ служит мучным торговцам и мукомолам просто удобным средством для усиленнаго выжиманія прибавочной стоимости из пекаря: они предоставляют ему самый широкій кредит, сами находят ему и отдѣлывают помѣщеніе—и прочно опутывают мелких пекарей стѣнами торгово-ростовщической эксплуатаціи.

условія, только бы достать деньги. Таким образом усиленіе феодальной эксплуатаціи и производных от нея форм исторически подготовляло почву для низших, первичных форм капиталистической эксплуатаціи.

Логически первичная форма подчиненія торговым капиталом, „работа на скупщика“ исторически была таковой лишь для нѣкоторых отраслей промышленности, преимущественно как раз для тѣх, которыя перерабатывали сырые матеріалы мѣстнаго и в особенности собственнаго семейнаго производства. Между тѣм не эти „исконныя“ отрасли народнаго труда выдвинулись наиболѣе быстро в исторіи кустарной промышленности и не онѣ сыграли наиболѣе видную роль в разложеніи традиціонных экономических отношеній: самое крупное значеніе приобрѣли различныя новыя, зачастую в точном значеніи слова импортированныя отрасли производства. Таково было, напр., во Франціи шелковое и кружевное производство (с XVI в.), в Англіи хлопчатобумажное (с XVII в.), в Россіи хлопчатобумажное и шелковое (с XVIII в.): все—отрасли, в которых производство сырого матеріала совершенно отдѣлялось от его переработки, или даже он был прямо заграничным товаром. То же рѣшительное раздѣленіе производства сырого матеріала и его дальнѣйшей переработки наблюдалось и в суконной промышленности Англіи и Германіи: к тѣм эпохам, когда начинается быстрое развитіе суконной промышленности в этих странах, крестьянская домашняя переработка шерсти давно уже была оттѣснена на задній план ремесленно-организованным производством.

Мы уже видѣли, что мануфактура нерѣдко служила школою таких новых отраслей промышленности. Тѣснямая в городах цехами, она перекочевывала в деревню и находила здѣсь работников, до извѣстной степени технически подготовленных старинными подсобными занятіями. Пряденіе льна, напр., подготовляло к пряденію пеньки или шерсти, производство полотен—к производству шелковых тканей, плетеніе грубых кружев—к плетенію болѣе тонких. Требовалось, вообще говоря, только приспособленіе к особым свойствам новаго матеріала. Оно до чрезвычайности облегчалось мануфактурным раздѣленіем труда, которое позволяло каждой семьѣ сосредоточиться на какой-либо одной детальной операціи производственнаго процесса: на пряденіи или размоткѣ, на подготовкѣ основ или на ткацком дѣлѣ¹⁾.

¹⁾ Тот ручной шелко-ткацкій станок, на котором в 70-х годах прошлаго вѣка русскіе кустари ткали гладкія шелковыя матеріи, по своей общей конструкціи был еще очень близок к тому ткацкому станку, на котором производятся деревенскія полотна. Такое же родство сохранялось и между приспособленіями, которыя служат для подготовки матеріала к ткацким операціям. Но в то время, как лен проходил в отдѣльной крестьянской семьѣ всѣ стадіи пере-

Здѣсь организаторы новых отраслей, вынужденные мириться с раз-
облѣніемъ производства по крестьянскимъ избамъ, не могли ограничиваться
ролью простыхъ скупщиковъ в точномъ значеніи этого слова. По мѣрѣ
того, какъ централизованная мануфактура, сыгравъ свою роль показатель-
ной мастерской, сокращалась до размѣровъ преимущественно контроль-
наго приспособленія, если не разлагалась до полного уничтоженія, —
около нея, или даже вмѣсто нея, возникала и расширялась раздѣлоч-
ная контора. В ней крестьяне-кустари получаютъ сырой матеріалъ и
в нее же сдаютъ готовый продуктъ.

Отношеніе раздатчика къ производственному процессу болѣе близ-
кое, чѣмъ отношеніе чистаго скупщика. Здѣсь уже не кустарь, а онъ
доставляетъ одинъ изъ элементовъ производственнаго процесса, — иногда,
напр., в шелковой промышленности, наиболѣе важный по стоимости.
Слѣдовательно, раздатчикъ, опредѣляя въ послѣдствіи продажную цѣну
готоваго продукта, долженъ учитывать стоимость этого производ-
ственнаго элемента, между тѣмъ какъ раньше его отношеніе къ про-
дукту было чисто торгово-капиталистическимъ. Производственные
условія нисколько не интересовали скупщика, ему важно было только
одно: чтобы покупная цѣна стояла, какъ можно ниже по сравненію с
вѣроятной продажной цѣной. Теперь одинъ изъ элементовъ стоимости товара,
стоимость сырого матеріала, становится величиной, опредѣляемой какъ
бы извнѣ, объективными отношеніями, надъ которыми раздатчикъ не вла-
стенъ. И какъ разъ потому борьба между раздатчикомъ и кустаремъ с боль-
шой исключительностью и ясностью концентрируется на другомъ элементѣ
стоимости товара, на томъ живомъ трудѣ, посредствомъ котораго сырой
матеріалъ превращается в готовый продуктъ. Раздатчикъ стремится выжать
изъ прядильщика, сновальщика, ткача какъ можно больше труда, — и

работки, отъ начальныхъ до окончательныхъ, в шелковой кустарной промышленности
существовала значительная спеціализація между кустарями. Несомнѣнно, такое же
отношеніе существовало и между новыми отраслями русской текстильной про-
мышленности XVIII вѣка и старинными вѣтземледѣльческими занятіями деревни.
То же и в Англіи. Этимъ соотношеніемъ новыхъ и старинныхъ отраслей производства
объясняется между прочимъ то явленіе, что высокое ремесленное развитіе страны
стоитъ в извѣстномъ антагонизмѣ с дальнѣйшимъ ея развитіемъ и капиталистическимъ
формамъ промышленности. Чѣмъ болѣе развито ремесло, тѣмъ сильнѣе цехи, тѣмъ
больше времени уходитъ на то, чтобы преодолѣть ихъ сопротивленіе капиталисти-
ческимъ формамъ. Чѣмъ сильнѣе развито ремесло, тѣмъ болѣе задавлены и разрушены
тѣ вѣтземледѣльческіе крестьянскіе промыслы, в которыхъ капиталъ с такимъ успѣхомъ
пріурочиваетъ свою первоначальную дѣятельность. Поэтому в Россіи новая текстиль-
ная промышленность нашла исключительно благоприятную почву, — и встрѣтила
наиболѣе слабое сопротивленіе.

оплатить из него наименьшую долю для того, чтобы возрастающий остаток присвоивать в качестве прибавочного труда. Борьба принимает открытую форму борьбы из-за расщепок труда кустаря, из-за использования его рабочей силы, а не из-за расщепок готового продукта в целом. Таким образом присоединение функций раздатчика к функциям скупщика представляет шаг вперед в превращении торгового капитала в промышленный капитал, купца—в промышленного предпринимателя, мелкого самостоятельного производителя—в наемного рабочего, живущего продажей единственного товара, который у него остался, рабочей силы. Чем больше работа на раздатчика становится главным базисом существования кустаря, тем больше приближается он экономически к наемному рабочему, и чем больше в предпринимателе собственно скупские ступениваются перед раздатчиком, тем больше барыш предпринимателя увеличивает характер торговой прибыли и приобретает некоторые черты промышленно-предпринимательской прибыли: из сферы обращения капитал вторгается в сферу производства.

Конечно, это мало отражается на методах исчисления, применяемых зачаточным промышленным предпринимателем: они остаются такими же, как были у торгового капиталиста. Все дело сводится к тому, что вместо одной прежней графы: покупная стоимость готового продукта, в записях капиталиста теперь фигурируют две самостоятельных графы: 1) цена сырого материала, затраченного, напр., на производство куска сукна, и 2) цена той рабочей силы, которая превратила этот материал в сукно. Но даже и это изменение свидетельствует о том, что покупная цена—исходный пункт в расчетах купца—начинает отбрасываться более сложной категорией: издержками производства, отправной точкой в расчетах промышленного предпринимателя.

Хотя промышленно-предпринимательская прибыль потенциально является уже здесь, где друг другу противостоят только кустарь и раздатчик, однако она при данной организации промышленности так же не может обособиться от торговой прибыли, как торговая прибыль не могла обособиться от ренты, пока сеньер был одновременно и купцом. Необходимое условие отделения промышленно-предпринимательской прибыли от торговой—обособление промышленного от торгового капитала. Первым шагом в этом направлении было обособление раздатчика от купца (или скупщика), развитие их в две антагонистические группы, борьба между ними из-за раздѣла прибавочной стоимости, извлекаемой из непосредственных производителей.

В различных отраслях промышленности это обособление достигалось различными способами и путями. В одних крупный торговый капитал подчинил себе самостоятельных раздатчиков, которые раньше сами

организовали сбыт готового продукта; в других раздатчики первоначально были агентами купца и лишь с течением времени перешли к раздаточным операциям за свой собственный счет. В одних случаях раздатчики вышли из среды купцов,—как тѣх, которые торговали сырым матеріалом, так и тѣх, которые занимались скупкой и перепродажей готовых продуктов; в других случаях в раздатчика развивался ремесленный мастер или кустарь, который первоначально производил закупку сырья и продажу готового продукта по поручению рядовых кустарей и лишь постепенно выработывался в самостоятельного торгового посредника.

Случаи послѣдняго рода особенно любопытны потому, что здѣсь можно прослѣдить весь генезис от мелко-буржуазных к развитым капиталистическим формам промышленности. Сначала эмбриональный раздатчик принимает в производственном процессѣ такое же непосредственное участіе, как и рядовые работники. Раздаточныя функции поглощают только нѣкоторую долю его времени, и прибыль от них составляет только нѣкоторую долю его доходов; остальная доля представляет такой же заработок, как и у других работников. Размѣры прибыли от раздаточныхъ операцій опредѣляются относительной устойчивостью позицій раздатчика с одной стороны и того купца, которому он сбывает готовый товар,—с другой. Вообще говоря, купец является наиболѣе сильной стороной и имѣет возможность диктовать дѣлы. Слѣдовательно, прибыль раздатчика, зародышевая форма будущей промышленно-предпринимательской прибыли, представляет тот остаток произведенной работниками прибавочной стоимости, который не будет урѣзанъ купцом. Торговый капитал остается господствующей формой капитала,—и торговая прибыль является господствующей, всепоглощающей формой капиталистической прибыли. Чѣмъ сильнѣе подчиняет он себѣ раздатчика, тѣмъ необходимѣе становятся для послѣдняго кредитныя операціи: покупка сырого матеріала в кредит, ссуды под товары, которые еще производятся. Кредит превращается для купца в средство прочнѣе и глубже прикрѣпить к себѣ раздатчика. Торговая прибыль купца неотдѣлима от его ростовщической прибыли,—как и торговый капитал вообще еще не обособился на этой ступени развитія от ростовщическаго капитала.

У торговаго капитала имѣется полная возможность сдѣлать положеніе посредников-раздатчиковъ вѣчным, наследственным. Он опутывает их долгами, процентами за отсрочку,—и оставляет такой ничтожный доход, что нечего помышлять ни о расширеніи раздаточныхъ операцій, ни об отказѣ от непосредственнаго участія в производственном пре-

мессѣ. Эти посредники, „мастерки“, промежуточные звенья между рядовыми работниками и дѣйствительными капиталистами, — *Zwischenkapitalisten* или *Zwischenunternehmer*, — не могут развиваться в дѣйствительных капиталистических предпринимателей. Величайшая зависимость от торгового капитала прекращается только для тѣх совершенно единичных удачливых, которые успѣвают превратиться в купцов, подчиняющих себѣ других раздатчиков, т.-е. успѣвают превратиться в торговых капиталистов. Торгово-ростовщическій капитал, закабалая себѣ посредников, а через них — и рядовых работников, консервирует мелкобуржуазную организацію промышленности. Рядовые работники, а зачастую и посредники влчат существованіе только благодаря своей безграничной способности к чрезмѣрному труду и недостаточному потребленію. Производство абсолютной прибавочной стоимости, присваиваемой купцом, достигает величайшаго расцвѣта. Опрокидываются всѣ традиціонныя, патріархальныя представленія о рабочем и нерабочем времени, о рабочих и нерабочих членах семьи. В то же время мануфактурное раздѣленіе труда и само по себѣ до чрезвычайности расширяет количество трудовых операцій, доступных женщинам и дѣтям. Эпоха вторженія торгового капитала в сферу промышленности повсюду характеризуется небывалой раньше эксплуатаціей женскаго и дѣтскаго труда.

Благопріятная кон'юнктура может разрушить такую застойность экономических отношеній. Так было, напр., в русской хлопчатобумажной промышленности в эпоху ея побѣдоносной борьбы с домотканными льняными издѣліями и в послѣднія десятилѣтія перед переходом к машинному производству; то же при сходных обстоятельствах наблюдалось и в шелковой промышленности. Технически-беспомощная, ремесленно-образная по своему общему укладу, неразрывно связанная с индивидуальным искусством, передающимся путем довольно продолжительной выучки, иногда огражденная нѣкоторыми производственными секретами, промышленность была здѣсь неспособна к сколько-нибудь быстрому расширенію, связана при своем расширеніи наличным контингентом уже подготовленных работников, и потому далеко отставала от быстро растущаго спроса. Здѣсь не раздатчик гонялся за купцом, а купец ловил раздатчика, — и даже ссуды, которыми пользовался послѣдній, приобретали при такой комбинаціи обстоятельств новый, коммерческій характер: онѣ не столько подчиняли раздатчика купцу, сколько позволяли ему шире развернуть свои раздаточныя операціи. Именно на почвѣ таких исключительных кон'юктур в русской хлопчатобумажной промышленности (а также в полотняной, парусинной, суконной и металлургической промышленности XVIII и отчасти XIX вѣка) наблюдались

примѣры поразительно быстрого развитія из простаго кустаря в крупнаго „фабриканта“¹⁾.

Упроченіе позиціи раздатчика, расширеніе его операций, большая прибыль, оставляемая у него торговым капиталом, приводит к тому, что для него отпадает необходимость расширять свой доход непосредственным участіем в производствѣ; с другой стороны, то же самое расширеніе раздаточных операций не оставляет и времени для труда наравнѣ с рядовыми рабочими. Таким образом разрушается мелко-буржуазный строй промышленности, характеризующійся недифференцированностью или слабой, зачаточной дифференцированностью разнообразных функций,—организаторских и исполнительских,—относящихся к сферам обращенія продуктов и к сферам их производства. Выбѣстъ с тѣм доход раздатчика рѣзко обособляется от дохода рядовых работников. Для послѣдних источник дохода—исключительно собственный труд, для раздатчика—тѣ функции, которыя он может выполнять как собственник капитала. И возрастает доход, при прочих равных условіях, пропорціонально увеличенію капитала,—пропорціонально числу тѣх производителей, которых этот капитал подчиняет себѣ. Разсматриваемый с этой точки зрѣнія, процесс развитія чистаго раздатчика представляется двусторонним: это одновременно и одна из ступеней развитія от мелко-буржуазнаго мастера или мастера к капиталистическому предпринимателю, присвоителю прибавочной стоимости, производимой другими; И в то же время одна из ступеней в развитіи от мелко-буржуазнаго производителя к наемному рабочему, производящему стоимость и прибавочную стоимость всецѣло за счет и под командою капитала.

Но все же здѣсь перед нами—лишь одна из промежуточных ступеней этого процесса, довольно далекаго от завершенія. Во-первых, промышленный заработок кустаря только в рѣдких случаях является единственным источником его существованія. У него обычно собственная избенка, корова, пара свиней, нѣсколько штук домашней птицы и, за немногими исключеніями, свой огород, а в деревнѣ—и клочок земли под картофелем или даже зерновыми хлѣбами. Он еще далеко не порвал с мелко-буржуазными и отчасти с натурально-хозяйственным тра-

¹⁾ В тѣх отраслях промышленности, которыя названы в скобках, есуды купца замѣнялись субсидіями правительства, продажа готоваго продукта купцу—поставкам в правительственные учрежденія, главным образом в армію и флот. Благодаря опять-таки совершенно исключительной кон'юктурѣ, мелкіе производители и здѣсь нерѣдко дѣйствительно были „сами своего счастья кузнецами“,—т.-е. при способностях, ловкости и оборотливости, лишь нѣсколько превышавших среднія, превращались из организаторов мелких раздаточных операций в крупных по тогдашнему масштабу капиталистических предпринимателей.

дѣіями, онъ связанъ съ рынкомъ только нѣкоторой частью своего существованія, и его рабочая сила только еще превращается въ товаръ. Поскольку его потребности удовлетворяются собственнымъ производствомъ, онъ чувствуетъ себя, да и дѣйствительно остается, самостоятельнымъ хозяиномъ; онъ еще собственникъ, а не пролетарій. Во-вторыхъ, въ своихъ производственныхъ отношеніяхъ онъ тоже еще не порвалъ съ мелко-буржуазнымъ укладомъ. Помѣщеніе для труда у него собственное,—хотя бы это было его жилое помѣщеніе,—станокъ, инструменты и проч. тоже собственные, капиталистъ или надсмотрщикъ не стоитъ постоянно надъ нимъ, отъ него зависитъ время начала и окончанія работъ, опредѣленіе часовъ перерыва, весь внутренній распорядокъ. Словомъ, онъ еще сохраняетъ, если не дѣйствительную производственную самостоятельность, то иллюзію этой самостоятельности: его зависимость отъ капитала еще не превратилась въ непосредственную, безспорную, осязательную,—формально она, какъ и прежде, остается косвенной зависимостью.

Поскольку такой работникъ еще не превратился въ пролетарія, постольку и капиталистическій раздатчикъ остается лишь эмбриономъ промышленнаго капиталиста. Онъ доставляетъ только сырой матеріалъ, и потомъ оплачиваетъ его переработку. Во всемъ остальномъ производственный процессъ идетъ совершенно независимо отъ капитала: устройство мастерскихъ и ихъ оборудованіе, распорядокъ работъ, вся ихъ техническая организація,—все это нисколько его не касается. Онъ дѣлаетъ лишь небольшой шагъ впередъ отъ чисто внѣшняго отношенія торговаго капитала къ производственному процессу. Барышъ раздатчика начинаетъ пріобрѣтать форму промышленной прибыли постольку, поскольку ему противостоитъ чистый купецъ, который просто покупаетъ и перепродаетъ товары, не подвергаясь между куплей и продажей никакимъ производственнымъ операціямъ. Но поскольку и самъ раздатчикъ чуждъ этимъ операціямъ, въ его отношеніяхъ къ непосредственнымъ производителямъ воспроизводятся отношенія стараго скупщика, т.-е. опять-таки отношенія торговаго капитала. Полное обособленіе промышленно-предпринимательской прибыли отъ торговой предстаетъ еще въ будущемъ. Мало того: раздатчикъ прочно закрѣпляетъ свое благоприятное положеніе только въ томъ случаѣ, если онъ приступаетъ къ самостоятельной организаціи сбыта, т.-е. самъ становится купцомъ¹⁾. Въ этомъ

¹⁾ Характерно, что и согласно обычному словоупотребленію чисто купеческія функціи—необходимое условіе вліятельнаго положенія капиталиста. Болѣе того: слово „купецъ“ до послѣдняго времени оставалось у насъ синонимомъ капиталиста вообще. Такъ, подъ „именитымъ купечествомъ“ подразумѣвали не только крупныхъ купцовъ въ точномъ экономическомъ значеніи этого слова, но и фабрикантовъ. Въ функціяхъ капиталиста это словоупотребленіе больше всего подчеркиваетъ собственно купеческія функціи—и тѣмъ самымъ до сихъ поръ напоминаетъ, что капиталъ возникъ, развился прежде всего въ сферѣ обращенія.

находит себя выражение преобладание торгового капитала над промышленным капиталом: точно так же, как преобладание феодальных производственных форм в болѣе ранній період общественнаго развитія выражалось в том, что и крупный купец, и мелко-буржуазный торговец, преуспѣвая, расширял свое деревенское хозяйство.

Картина промышленнаго строя, как он описан выше, дает представление об общих тенденціях его развитія. Онъ развертывается съ величайшей быстротой, когда исчезаютъ исключительныя кон'юнктуры, о которыхъ упомянуто раньше. Экономическая дифференціація, намѣтившаяся уже на предыдущей ступени, теперь идетъ вглубь. До чрезвычайности обостряется борьба между различными категоріями посредниковъ, захватившихъ пути, по которымъ совершается „обмѣнъ веществъ“ в обществѣ, — по которымъ сырые матеріалы и готовые продукты передвигаются в противоположныхъ направленіяхъ. Побѣду одерживаютъ сильныя капиталомъ, расплату за всякое неблагоприятное измѣненіе обстоятельствъ они перемалываютъ на тѣхъ, кого подчиняютъ себѣ, а тѣ в свою очередь переносятъ усиленное давленіе ниже, и т. д., пока, наконецъ, весь этотъ гнетъ, возрастающій отъ ступени къ ступени, не концентрируется на непосредственныхъ производителяхъ. Прочную позицію начинаетъ обезпечивать только владѣніе капиталомъ, — собственностью, которая даетъ возможность присвоивать чужой неоплаченный трудъ. Мелко-буржуазная собственность, базисъ традиціоннаго пропитанія, перестаетъ служить опорой и в сущности только открываетъ лишніе пункты для нападенія капитала. Онъ наступаетъ и на кустаря, и на мелкаго посредника не только какъ торговый по своимъ преобладающимъ функціямъ капиталъ, но и какъ ростовщическій капиталъ. И ростовщическіе методы становятся возможными именно потому, что его контрагенты „кредитоспособны“, что они обладаютъ собственностью. Работникъ, у котораго нѣтъ никакой собственности, можетъ существовать только за счетъ своего текущаго труда, — и этимъ полагается нѣкоторая граница тому, что торговый и ростовщическій капиталъ можетъ урѣзать изъ стоимости, производимой даннымъ работникомъ. Работникъ, у котораго еще остается извѣстная собственность, до поры до времени можетъ покрывать изъ нея свои потребительскіе дефициты, и предѣлы для дѣятельности торгово-ростовщическаго капитала значительно расширяются. Кустарь живетъ в прежней избѣ, работаетъ за прежнимъ станкомъ, пользуется прежними орудіями, по внѣшности все остается по-старому; но характеръ его отношеній ко всѣмъ этимъ предметамъ кореннымъ образомъ измѣняется. Они уже не его собственность, а скорѣе залогъ, обезпечивающій возвратъ полученной подъ нихъ ссуды и оставленной у него въ пользованіе, онъ — уже не собственникъ этихъ вещей, а самое большее простой ихъ владѣлецъ, и все онъ изъ средствъ труда на себя, для своего

пропитанія, все больше превращаются в средства труда на ростовщика. Из мелко-буржуазной собственности эти средства производства превращаются теперь в особую форму существованія ссуженнаго под них ростовщического капитала.

Насколько долго торгово-ростовщическій капитал предоставляет мелкому производителю сохранять иллюзію собственности и самостоятельности, это зависит от цѣлаго ряда условий, среди которых рѣшающее значеніе принадлежит производственной техники. Пока мелкое производство не утратило почвы, капитал из мелкаго, по вышности самостоятельнаго производителя может выжимать больше прибавочной стоимости, чѣм из наемнаго рабочаго. В теченіе длиннаго ряда поколѣній он не предпринимает рѣшительных шагов с той цѣлью, чтобы от косвеннаго подчиненія производителя перейти к прямому его подчиненію,—к капиталистической организаціи производства. Наиболее демонстративный примѣръ,—нѣкоторыя из тѣх отраслей земледѣлія, в которых мелкому крестьянскому хозяйству близоруко пророчат безсмертіе. Наиболее извѣстный примѣръ из сферы промышленности—многочисленныя отрасли в производствѣ одежды, в так называемой конфекціонной промышленности. Безконечный ряд примѣров быстрой гибели кустарей с развитіем машинной техники, которая требует крупно-капиталистической организаціи производства, дает исторія текстильной промышленности в различных частях земнаго шара.

Однако и без залоговых операцій собственник дома и орудій труда постепенно, так сказать чисто естественным способом, утрачивает эту собственность. Давленіе торговаго капитала усиливается настолько, что всё рабочія силы кустаря и его семьи поглощаются промышленным трудом, и что семья только при работѣ до полного изнеможенія кое-как перебивается изо дня в день. Нѣтъ средств и времени для того, чтобы проконопатить избу и перекрыть текущую крышу. Некогда поправить и замѣнить износившіяся части станка,—это связано с остановкой работы, с прогулом. К тому же развивается тупое безучастіе безнадежности, как необходимое психологическое приспособленіе к непоправимому и постоянному ухудшенію условий существованія. Так складывается то положеніе, которое до такой степени возмущает поверхностнаго наблюдателя современной русской деревни и захолустных умирающих городков: хозяйственный инвентарь изнашивается и гибнет ускоренным темпом, хотя сначала, чтобы замедлить его разрушеніе, было бы достаточно замѣнить гнилое бревно или положить на крышу нару новых снопов.

Жизнь мелкаго производителя падает до того низкаго уровня, на котором она граничит с чисто зоологическим существованіем. Но и для

такого существованія жилье становится, наконец, непригодным. С другой стороны, ухудшеніе питанія и всей жизненной обстановки отражается на свойствах работы: течь и сырость, дым и копоть, грязь и недостаточное освѣщеніе,—все это как бы отпечатлѣвается на продуктѣ, слова „кустарный продукт“ пріобрѣтают пренебрежительное значеніе, безпощадные штрафы угрожают поглотить весь заработок кустаря, но, безсильные измѣнить обстановку, и общія условія его работы не достигают цѣли. Тогда в развитіи функцій раздатчика наступает новый момент. Он доставляет производителям станки и другія орудія труда, болѣе совершенные и приспособленные;—отдает их „на прокат“ или как бы продает „с разсрочкою платежа“. Расцѣнки и условія расплаты обычно диктуются таким образом, что вся сдѣлка пріобрѣтает ярко-ростовщическій характер¹⁾. Иногда он строит жилья помѣщенія, которыя являются в то же время и мастерскими, или же старыя помѣщенія переходят к нему за долги кустарей. В таком случаѣ выжиманіе квартирной платы дает новое средство для извлеченія прибавочной стоимости. Наконец, тот же капиталист открывает и лавку,—принуждает работников забирать в ней всевозможные товары или прямо расплачивается исключительно записками на эту лавку. В нее же зачастую поступает и весь „бракъ“, который принудительно сбывается кустарям.

Таким образом один и тот же капитал с разных сторон обрушивается на работников: он эксплуатирует их как самостоятельных производителей (ссуда орудій труда, плата за помѣщенія, поскольку они являются мастерскими), как зародышевых продавцов рабочей силы (расцѣнки, пониженіе заработков штрафами и проч.) и, наконец, как покупателей необходимых средств существованія (квартирная плата, принужденіе все забирать в лавкѣ, устраиваемой капиталистом, и проч.). В этом разнообразіи методов эксплуатаціи, исходящих от одного

¹⁾ Подобныя явленія можно было наблюдать и в самое послѣднее время, при покупках в разсрочку швейных и в особенности чулочно-вязальных машин. При гнетѣ нужды, заставляющей искать каких бы то ни было дополнительных заработков, при „неумѣнн считать“, т.-е. коммерчески расцѣпывать сдѣлки, швел или чулочница иногда только по прошествіи нѣскольких лѣтъ начинает догадываться, что ей никогда не сдѣлаться собственницей машины, и что петля, накинута на нее, затянута прочно. Положеніе нѣсколько измѣняется, когда фабрики машин создают обширный распространительный аппарат, главной задачей котораго становится реализація стоимости, уже заключающейся в машинах, а не длительное извлеченіе прибавочной стоимости, вновь создаваемой текущим трудом покупателей этих машин. В этой области можно было бы прослѣдить эволюцію форм торговли от примитивной к развитой капиталистической и связь этой эволюціи с развитіем промышленнаго капитала.

и того же капитала, в этой его универсальности, в полном и безраздельном смирении черт ростовщического, торгового и промышленного капитала, находит себя выражение опять-таки полная неразвитость последнего: в своей чистой форме он имеет дело с работником исключительно как с продавцом рабочей силы. И еще одно обстоятельство отличает этот капитал от развитого промышленного капитала: формальная производственная самостоятельность работников еще не утрачена, хотя капиталист является уже фактическим собственником мастерской, орудий труда и сырого материала. Отношение капиталиста к производственному процессу остается по-прежнему внешним. Оно становится более глубоким лишь с того времени, когда изменения техники заставляют капиталиста сосредоточить работников в едином производстве, под непосредственным контролем и руководством своим или своих уполномоченных.

Капитал, постепенно переносящий свои операции из сферы обращения в сферу производства, последовательно выступал перед нами в качестве или 1) просто скупщика в точном значении этого слова, или 2) раздатчика сырого материала, или, наконец, 3) кроме того и собственника всех орудий труда и помещения, в котором совершается производство. Но этим далеко не исчерпывается действительное многообразие тех путей, по которым торговый капитал приближается к производству. Оно не покрывается ни одним из терминов, которыми обычно обозначаются эти переходные формы капитала: „работа на скупщика“, „раздатчика“, „посредника“ или „домашняя система капиталистической промышленности“, — все эти термины оказываются слишком узкими. С этой точки зрения наиболее удобен несколько расплывчатый термин: „косвенная зависимость от капитала“.

В том порядке, как у нас расположены различные типы „домашней промышленности“, мы получаем основные формы возрастающей зависимости от капитала: при „работе на скупщика“ непосредственный производитель еще обладает всеми элементами производственного процесса, — при работе на собственника этих элементов у него фактически не остается уже ничего, кроме рабочей силы. Память о бывшей производственной самостоятельности сохраняется только в семейной обособленности и в общем семейном укладе производственной организации. Но эти различия суть различия именно только формы зависимости от капитала. Степень фактического подчинения определяется в каждом случае конкретными обстоятельствами. Простой скупщик может в каком-либо занавальном мелкого производителя, — напротив, кустарь, работающий на арендованном станке, может сохранять значительную способность к со-

противленію¹⁾. Но болѣе приниженным, безпомощным становится мелкій производитель в тѣх случаях, когда на него одновременно обрушиваются капиталистическая эксплуатація и различныя формы эксплуатаціи, производныя от феодальной (крѣпостническія и государственныя повинности). Здѣсь процесс превращенія „самостоятельнаго производителя“ в пролетарія неизбежно становится процессом пауперизаціи (обнищанія) в самом безпощадном и прямом значеніи этого слова.

4. Судьбы ремесла в торгово-капиталистическую эпоху.—Измѣненіе общих условій промышленнаго труда.

В городах, как бы выдѣлившись из средневѣковаго феодальнаго общества и обладавших организаціями непосредственных производителей (цехи мастеров, товарищества подмастерьев), торговый капитал встрѣчал болѣе стойкое сопротивленіе, чѣм в деревнѣ. Так называемая домашняя промышленность прежде всего укоренилась в деревнѣ и сдѣлалась господствующей в новых отраслях промышленности. Онѣ распространялись, „насаждались“ с такой быстротой, что для развитія ремесленнаго строя вообще не было бы времени, если бы даже основныя предпосылки его существованія не отошли в прошлое. Благодаря этому еще долгое время послѣ того, как торговый капитал подчинил себѣ деревенских промышленных производителей, ремесленный строй в городской промышленности казался господствующим.

Но по мѣрѣ того, как экономическое объединеніе охватывало все болѣе обширныя области и организація обращенія товаров становилась общественно-необходимой функціей торговаго капитала,—городской ремесленник, покупал ли он сырой матеріал, продавал ли готовый продукт, и в том и в другом случаѣ попадал все в большую зависимость от этого капитала. Прежняя монопольность его положенія утратилась, когда, с развитіем средств транспорта, рынок из ограниченнаго городского превратился в меж-городской, когда у купца явилась возможность выбора между ремесленниками городов, раздѣленных десятками, если не сотнями верст. Еще болѣе жестокіе удары обрушились на ремесленника, когда его товары начали сталкиваться с товарами деревенских промышленников. Мы уже видѣли, что в значительной мѣрѣ по этой причинѣ дѣйствительное ремесло не развилось в полотняной промышленности и быстро капиталистически переродилось—в суконной.

---

¹⁾ Как мелкій арендатор-земледѣлец при извѣстных обстоятельствах обладает болѣе способностью к сопротивленію, чѣм крестьянин, работающій на собственном неотчуждаемом надѣлѣ.

Не менѣ серьезная опасность угрожала ему от тѣх глубоких переменъ в характерѣ потребленія, которыми повсюду отмѣчается наступленіе новаго времени. Тѣ отрасли промышленности, которыя мы называли для краткости „новыми“, считались с этими переменами, прямо базировали на них. Дѣло обычно начиналось со ввоза иноземныхъ продуктовъ, в особенности азіатскихъ, напр. шелковыхъ и хлопчато-бумажныхъ тканей. Это были предметы для удовлетворенія не каких-либо новыхъ потребностей, а просто новые предметы для удовлетворенія старыхъ потребностей. Слѣдовательно, уже ввоз их суживал рынокъ для продуктовъ той туземной ремесленной промышленности, которая раньше цѣликомъ удовлетворяла эти потребности. За распространеніемъ моды на продукты иноземной промышленности: напр., моды на „итальянщину“ (XVI вѣк), на „китайщину“ и „индійщину“ (XVII вѣк),—вскорѣ слѣдовали попытки акклиматизаціи этой промышленности: шелковой—во Франціи XVI вѣка, хлопчато-бумажной—в Англіи XVII вѣка¹⁾. Нѣсколькими столѣтіями раньше такую же роль сыграли „фризскія“ сукна: ввоз их в Германію, Богемію и Англію подготовилъ переходъ этихъ странъ къ болѣе совершеннымъ формамъ собственнаго суконнаго производства. Распространеніе новыхъ продуктовъ шло за счетъ продуктовъ стариннаго производства и, поскольку в послѣднемъ господствовалъ ремесленный строй, суживало рынокъ для ремесла, а слѣдовательно, понижало его способность къ сопротивленію. В случаяхъ этого рода капиталъ нападалъ на ремесло какъ бы с тылу: сначала онъ вовсе не поситалъ на него,—онъ создавалъ для себя, казалось, совершенно новый міръ, совершенно новыя отрасли промышленности. Но потомъ онъ и передъ ослабленными старыми отраслями выступалъ въ видѣ скупщика и ростовщика и безъ труда подчинялъ ихъ себѣ, если только не находилъ другихъ, болѣе прибыльныхъ сферъ для своихъ операцій.

И еще одно обстоятельство начало оказывать подавляющее вліяніе на ремесло. Эпоха торговаго капитала характеризуется несравненно болѣе значительной концентраціей экономическихъ и политическихъ связей, чѣмъ феодальная и ремесленная эпоха с ихъ обособленными, чисто мѣстными мелко-областными центрами зародышево-общественной жизни. В этомъ отношеніи, какъ и во многихъ другихъ, торговый капиталъ является предвѣстникомъ промышленнаго капитала с его мощными тенденціями къ концентраціи населенія въ городахъ, въ торговыхъ и промышленныхъ центрахъ. Хотя товарное производство еще не сдѣлалось такимъ единымъ, универсальнымъ принципомъ экономическихъ отношеній и хотя общественное раздѣленіе труда еще не шло такъ глубоко, какъ въ промышленно-капита-

¹⁾ Бумажныя ткани были тогда для европейцевъ такими же предметами роскоши, какъ шелковыя.

листическую эпоху, однако развитие сферы товарного обращения уже создавало мировые регуляторы этого обращения в родъ Лиссабона и Брюгге, Антверпена и Амстердама, Лондона и Любека, и в каждой странѣ выдвигало второстепенные торговые центры. Началось быстрое развитие городов. Оно сопровождалось стремительным ростом городской ренты, который как бы автоматически изгонял ремесленников из главных пунктов обмѣна. Снимать помѣщенія на главных улицах становится посильным только для капиталистически крѣпких купцов, которые привлекают покупателей и внѣшней обстановкой торгового помѣщенія, и величайшим разнообразіем ассортимента товаров. При крупных годовых оборотах, они легко выдерживают постоянное возрастаніе ренты (или, точнѣе, самым ростом своих оборотов, самой концентраціей торговли дают толчок повышенію ренты). Ремесленникам приходится селиться в грязных трущобах, на зараженных задних дворах, в подвалах и чердаках, куда не рискнет пойти зажиточный покупатель или заказчик, а пойдет только такой же бѣдняк, как сам ремесленный производитель. Самый способ разселенія ремесленников, внѣшній вид и обстановка жилья-мастерской и палатки на рынкѣ, вопіющій контраст ея с новыми складами и магазинами, возникающими на главных улицах,—все это становится ярким символом перемѣн в значеніи самого ремесла для промышленности. Новыми формами производства и обращения товаров ремесло изгоняется на задворки и закоулки промышленности, да и здѣсь оставляется только до тѣх пор, пока у капитала нѣтъ побужденій открыть наступленіе в эту сторону, и здѣсь существует милостію капитала: потому ли, что он еще не закончил завоеванія болѣе привлекательных для него сфер, потому ли, что данная сфера просто слишком ничтожна для того, чтобы стоило открывать прямое наступленіе на нее (починочныя работы, нѣкоторыя мѣстные ремесла в мелких городах и деревнѣ, т.-е. опять-таки на периферіи новой экономической жизни).

В цѣлом рядъ промыслов, подвергаясь подтачивающим вліяніям, ремесло долгое время боролось за свое существованіе: боролось чрезмѣрным удлиненіем рабочаго дня, сокращеніем и без того недостаточнаго питанія, постоянным ухудшеніем всей жизненной обстановки, безпощадной эксплоатаціей женскаго и дѣтскаго труда,—в частности ученическаго труда. По внѣшности оно все еще во многом напоминало о средневѣковых ремесленных отношеніях¹⁾. Но внутренне оно уже не было самостоятельным ремеслом. Оно работало на торговый и ростов-

¹⁾ В Германіи даже в 50—60 годах прошлаго вѣка. См., напр., замѣчательно яркую картину ремесленных отношеній того времени в I части воспоминаній Бебеля: „Из моей жизни“.

щическій капитал и на городское землевладѣніе. Только плоское пониманіе необходимых предпосылок ремесла сдѣлало возможными безконечныя, растянувшіеся на много десятилѣтій споры о перспективах ремесла вообще и о тѣх областях, из которых оно „никогда“ не будет вытѣснено капиталом. В этом отношеніи уже торговый капитал успѣлъ сдѣлать достаточно много.

Измѣнялась экономическая роль ремесла, — измѣнялось и социальное значеніе ремесленного сословія.

В средневѣковый період города сумѣли выдѣлиться из феодальнаго общества, из феодально раз'единенных міров. Позднѣйшіе собиратели этих міров — сюзерены, развивающіеся в монархов, — и на города распространяют отношенія политической централизаціи. Болѣе того: города, торговая городская буржуазія, были главной движущей силой централизаціи. Поддерживая борьбу против феодальной областной автономіи, они неизбежно утрачивали и свою собственную автономію. Чѣм болѣе крѣпла центральная власть, тѣм рѣшительнѣе ограничивала она городское самоуправленіе, городскіе совѣты, автономію цехов, полномочія цеховых мастеров, а потом совершенно подчиняла и городскіе совѣты, и цехи новому бюрократическому аппарату. Политическое обособленіе города от деревни оказалось исторически кратковременным эпизодом. Преобразившись из феодальнаго общества в крѣпостническое, из раздробленных міров в централистически организующееся государство, деревенскій мір в лицѣ торжествующих собирателей-сюзеренов надвинулся на города и захватил их в сѣть новых общественных отношеній: подчиненіе городов новой политической власти было одновременно и подчиненіем городских сословій таким формам эксплуатаціи, которыя близко напоминают крѣпостническую эксплуатацію.

Однако новое положеніе, складывающееся для городского ремесла, не явилось результатом крупнаго и рѣзкаго переворота, а было просто усиленіем и дальнѣйшим развитіем тѣх тенденцій, которыя намѣтились уже в средневѣковый період. Раньше состоятельные мастера, выдѣлившись из массы ремесленников, пользовались своим положеніем в цехах, своими должностями в городском управленіи для того, чтобы ускоренным темпом продолжить процесс накопленія. Теперь они пользуются кромѣ того политической властью сюзеренов-объединителей, как орудіем своего дальнѣйшаго выдѣленія и превращенія в капиталистических предпринимателей. Раньше рядовым ремесленникам приходилось нести на себѣ главную тяжесть городских повинностей и видѣть безрезультатность сопротивленія расхищенію городских имуществ и средств старыми и новыми патриціанскими родами. Теперь ко всему этому присоединяется новая тяжесть: легальные и нелегальные, обыкновенные и чрезвычайные государственные поборы.

Городская ремесленная промышленность превратилась в доходную статью для западных суверенов. Званіе мастера сдѣлалось привилегіей, жалуемой монархами, точнѣе,—покупаемой у монархов. В зависимости от нужды в деньгах, привилегіи, выданныя в предыдущее царствованіе, в ближайшее об'являлись утраченными, права, купленные нѣсколько лѣтъ тому назад, признавались потом недостаточными. На возобновленіе и пополненіе привилегій каждый раз требовались новыя пошлины, подкупы, явные и тайные подарки и платежи. Как всегда бывает в случаях этого рода, у крупных мастеров, превращавшихся в посредников, скупщиков и мануфактуристов, такіе расходы поглощали относительно меньшую долю доходов, а чаще всего—с лихвой покрывались различными формами субсидій и вспоможеній из государственных средств. Напротив, мелкій ремесленник,—на котораго при том с обостряющеюся силой обрушивалось ограничительное законодательство цехов, не распространявшееся на покровительствуемых королевско-привилегированных мастеров,—уплачивал поборы не из прибыли, а из тѣх сбереженій и фонда, которые должны были бы пойти на упроченіе и усиленіе производства, на возмѣщеніе его изношенных элементов. Все быстрѣе расширялась пропасть между единичными крупными мастерами и бѣднѣющей ремесленной массой. Складывалось такое же положеніе, как в крѣпостной русской деревнѣ, облагаемой данью за всякій шаг промышленнаго развитія общества. Там эта дань тормозила общее промышленное развитіе, но не препятствовала выдѣленію крупных купцов и мануфактуристов,—может быть, иногда даже форсировала его, поскольку зачаточный капитал получал свою долю в прибавочной стоимости от крѣпостнической эксплуатаціи. Аналогичныя явленія развертываются и в западном городѣ, когда он подчиняется централизующимся государствам.

И еще в одном отношеніи новое государство продолжило дѣятельность городских совѣтов и ремесленных цехов: в борьбѣ с организаціями подмастерьев. Начиная с XVI вѣка, провинціальныя и національныя суверены, мѣстные сеймы и имперскія собранія издают указы и распоряженія против всяких форм организаціи подмастерьев и грозят нарушителям предписаній жестокими карами, до варварских форм смертной казни включительно (напр., прусскій ремесленный устав 1733 года). Тайные условные знаки, посредством которых странствующій подмастерье удостоверял в чужом городѣ свою принадлежность к товариществу определеннаго цеха, замѣняются проходным свидѣтельством, паспортной книжкой, в которую полиція заносит примѣты владѣльца и отмѣтки о его поведеніи. Явка в товарищескую харчевню, в которой подмастерье получал поддержку организаціи, уступает мѣсто немедленной обязательной явкѣ в полицейское управленіе, которое учреждает неусыпный над-

вер над новоприбывшим, предписывает ему являться в полицію не 2—3 раза в недѣлю и не признает никакого иного способа отысканія работы, как только через мастера, старшину соответствующаго цеха. Кассы товариществ подвергаются конфискаціи, недвижимое имущество отдается в завѣдываніе чиновников, харчевни закрываются, взаимопомощь, если только она сохраняется, из боеваго средства насильственно превращается в благотворительную помощь бѣдным или больным, не измѣняющую общаго положенія подмастерьев. Располагая совершенно иными силами и ресурсами, чѣм городскіе совѣты, централизованное государство с несомнѣнным успѣхом ведет свою борьбу до XVIII вѣка, когда анти-стачечное законодательство, направленное против ремесленных подмастерьев, явственно переходит в законодательство, направленное против крупно-промышленнаго пролетаріата.

Несмотря на всю тяжесть ударов, союзы подмастерьев не окончательно исчезли. Нѣкоторые из них владѣли частью легальное, частью подпольное существованіе до половины XIX вѣка. Но по мѣрѣ того, как жизнь отлетала от ремесла, оставляла она и организациі подмастерьев. Конспираціи и обрядности из служебнаго средства для боевых цѣлей превращались в невинную самоцѣль, даже благотворительная взаимопомощь сокращалась до полнаго исчезновенія.

Не ремесло было господствующей формой новѣйшей промышленности, — и не в ремесленных кругах зародились основныя формы современной классовой борьбы.

* * *

Ослабленіе позиціи промышленных производителей неизбежно должно было выразиться в ухудшеніи общих условій их труда. Поскольку производственно-техническій базис оставался неизмѣнным, прибавочная стоимость, выжимаемая из них, была в первую очередь абсолютной прибавочной стоимостью, и ухудшеніе условій существованія работников носило характеръ абсолютнаго ухудшенія. Дѣло было не только в том, что уровень их жизни понижался по сравненію с помѣщиками или капиталистами, но и в том, что продолжительность рабочаго дня из поколѣнія в поколѣніе возрастала, а то количество средств существованія, в котором выражался заработок, все сокращалось.

Данныя, иллюстрирующія этот процесс измѣненій, неизбежно носят случайный и отрывочный характер. Но в своей совокупности они очень краснорѣчивы.

Роджерс еще в концѣ прошлаго вѣка примѣнил любопытный прием для того, чтобы выяснитъ движеніе заработной платы городскихъ промышленныхъ производителей в Англіи. Он берет ту максимальную

поденную плату, которая определяется парламентскими актами, постановлениями городских советов и решениями мировых судей, и сопоставляет ее с одновременно существовавшими цѣнами главных средств питанія: пшеницы, ячменя, овсяной муки, которыя берутся в количествах, необходимых для существованія цѣлой семьи. Таким образом Роджерс приходит к слѣдующим выводам: для того, чтобы прокормить всю семью в теченіе года, промышленному работнику в 1495 году было достаточно работать 10 недѣль, в 1533 году уже 14—15 недѣль, в 1564 г. это число повышается до 32, в 1593 г. до 40, в 1610 и 1651 годах до 43 недѣль. В 1684 г. общая стоимость средств питанія, необходимых для существованія цѣлой семьи в теченіе года, определяется Роджерсом в 14 фун. стерл. 11 шиллингов 6 пенсов, а годовой заработной— в 15 ф. ст. 13 ш. Соотвѣтствующія цифры для 1725 года— 16 ф. ст. 2 ш. 3 п. с одной стороны и 13—15 ф. ст. с другой. Слѣдовательно, в 1684 году годового заработка промышленнаго работника едва лишь хватало на простое прокормленіе семьи, а в 1725 году 52-недѣльной работы в году уже недостаточно для пропитанія семьи. Для того, чтобы просто прокормиться, не говоря уже об удовлетвореніи других потребностей, становится безусловно необходимым заработок других членов семьи, кромѣ главнаго работника, или поддержка общественной благотворительности, или и то и другое. Отходят в далекое прошлое тѣ отношенія средневѣковаго ремесла, когда подмастерью было необходимо работать в теченіе небольшой части года (или каждой недѣли) для того, чтобы на цѣлый год (или недѣлю) обезпечить себѣ всѣ необходимыя средства существованія.

Но у работника вынуждалось не только возрастающее число рабочих дней в году: удлинялась и продолжительность рабочаго дня. Правда, данныя здѣсь еще болѣе отрывочны, а иногда и шатки, чѣм при выясненіи величины зарбботков. Но поскольку дѣло касается кустаря, и без особых цифр ясно, что как раз быстрым пониженіем зарбботков у него непосредственно вынуждалось „добровольное“ удлиненіе рабочаго дня. Относительно ремесленных подмастерьев имѣются нѣкоторыя прямые указанія в парламентских актах, постановленіях мировых судей и проч. На основаніи этих данных можно думать, что в концѣ XVII вѣка подмастерье был вынужден работать в среднем выводѣ за год болѣе 10 часов, в нѣкоторых случаях— до 12 часов в день.

Выводы Роджерса из сопоставленій заработной платы с цѣной главных хлѣбов настолько поразительны, что невольно закрадывается сомнѣніе в их правильности. Но данныя, относящіяся к другим странам, подтверждают, что в новое время общая и основная тенденція в движеніи заработной платы была именно такова, как установлено Роджерсом.

Так, в Вюртембергѣ годово́й заработок кустарей-сукнодѣлов во второй половинѣ XVII вѣка соотвѣтствует 25—33 шеффелям полбы, в первой половинѣ слѣдующаго вѣка спускается до 17—20 шеффелей, а к концу его—до 6—10 шеффелей. Во Франціи годово́й заработок промышленнаго работника для средних вѣков опредѣляется в 900 франков, в началѣ XVI вѣка—1230 фр., в концѣ XVI и началѣ XVII вѣка всего в 750 фр., к началу XVIII в.—менѣе 520 фр. Уже эти цифры сами по себѣ говорят о быстром пониженіи уровня жизни работников. Но полное представленіе о размѣрах его получится лишь в том случаѣ, если учесть измѣненія в покупательной силѣ денег. Принявъ современную покупательную силу денег за единицу, изслѣдователи приходят к выводу, что для средневѣковаго періода во Франціи она составляла 3—4¹/₂, в началѣ XVI столѣтія повысилась до 5, а потом ея послѣдовательныя колебанія по четвертям вѣка выражались цифрами 4, 3, 2¹/₂, 3, 2¹/₂, 2, 2¹/₃. Слѣдовательно, за 200-лѣтіе XVI—XVIII вѣка не только заработки упали с 1230 до 520 фр., но и покупательная сила их понизилась настолько, что работник, покупавшій в началѣ этого періода на 1 франк 5 фунтов какой-либо пищи, в концѣ его мог купить на 1 франк своего заработка всего 2¹/₃ ф. той же пищи.

Таким образом мы открываем товар, котораго нисколько не коснулась революція цѣн, ознаменовавшая новое время, и который, в противоположность общему движенію, все больше понижался в цѣнѣ. Это был новый товар, который, возрастающими массами появляясь на рынкѣ, тѣм самым возвышал приближеніе промышленно-капиталистической эпохи. Этим товаром была рабочая сила¹⁾.

Разрушая средневѣковыя узкія, мало подвижныя экономическія отношенія: феодальныя в деревнѣ, ремесленно-цеховыя в городѣ, противопоставляя на расширяющемся рынкѣ городским продуктам продукты отдаленнѣйших мѣстностей и деревенскіе, произведенные под гнетом крѣпостнической эксплуатаціи, торговый капитал успѣшно сламывал способность к сопротивленію и деревенских, и городских непосредственных производителей, нивелировал их, подчинялъ режиму, в котором сочетались черты вырождающейся феодальной и зарождающейся капиталистической эксплуатаціи.

¹⁾ Правда, поскольку сохранялись остатки натурального хозяйства, и могла поддерживаться иллюзія производственной самостоятельности, рабочая сила еще не вполне развилась в товар. Но для завершенія этого процесса превращенія рабочей силы в товар зачастую требовалось всего лишь измѣненіе форм расплаты (кустарь, получающій помѣщеніе и всѣ средства труда от мастера; коссет, бобыль или инст, получающіе от помѣщика хижину, клочок земли для огорода, право на выпас коровы и проч.).

Но дѣятельность того самого торговаго капитала, который разрушал старыя организаціонныя формы производства, вызвала к жизни еще одну мощную, безличную силу, которая уже совсѣм незамѣтно, с тылу наступала на пролетаризующагося производителя. Этой силой была революція цѣн. Еслибы даже расцѣнки и денежныя заработки оставались такими неизмѣнными, как они были на протяжении значительной части средних вѣков, — одного повышенія цѣн всѣх необходимых средств существованія было бы достаточно для того, чтобы заставить промышленнаго производителя до чрезвычайности удлинить свой рабочій день и принудить к работѣ жену и дѣтей.

Торговый капитал настолько успѣшно усиливал выжиманіе прибавочной стоимости из непосредственных производителей и так расширял массы населенія, фактически работающаго на него, что промышленно-капиталистической эпохѣ в основных чертах оставалось только рѣшительно порвать с традиціями семейнаго, мелко-буржуазнаго производства и подчинить работников единой, крупно-производственной дисциплинѣ.

* * *

Эпоху с XI по XVIII вѣк мы характеризовали сначала как торгово-капиталистическую эпоху. Теперь мы видим, что эта характеристика страдает нѣкоторой неполнотой: из сферы обращенія, которую капитал захватывает раньше всего, он повсюду на извѣстной ступени развитія начинает вторгаться в сферу производства и, поскольку перестает быть чисто торговым капиталом, приобретает нѣкоторыя черты промышленнаго капитала. С другой стороны, он не останавливается на косвенном подчиненіи мелко-буржуазных производителей. Мы уже видѣли, что централизованная мануфактура повсюду сыграла не малую роль, сначала как „учебная“, потом как „контрольная мастерская“, а в тѣх случаях, когда могла опираться на рабскій или крѣпостнический труд, имѣла и болѣе длительное и широкое значеніе (арабскія и итальянскія мануфактуры в Левантѣ, нѣкоторыя русскія мануфактуры XVIII вѣка). Болѣе того: в нѣкоторых отраслях гончарнаго, стекольнаго, гобеленоваго и других производств той же эпохи централизованная мануфактура становится господствующей формой, и рабочій на ней экономически все болѣе отдѣляется и от ремесленнаго подмастерья, и от такого подневольнаго работника, как крѣпостной или раб. Он все болѣе приближается к юридически-свободному наемному рабочему развитой капиталистической эпохи.

Мы видим таким образом, что между отдѣльными стадіями в развитіи капитала не было перерывов, — что в исторіи онѣ связывались переходными формами и между собою и с феодальным, и с мелко-буржуазным обществом.

5. Идеологическое развитие в эпоху торгового капитала.

Эпоха торгового капитала была преддверіем капитализма в полном и отрогом смыслѣ этого слова, т.-е. промышленнаго капитализма. Ея переходный характер ярко выразился в идеологіяхъ тогдашняго общества: то было время глубокихъ культурныхъ революцій, напряженной и бурной идейной работы, какой до тѣхъ поръ еще не приходилось выполнять человечеству. Мѣновая идеологія уже не развивалась, какъ прежде, только в складахъ феодальной, а начинала прямую борьбу с ней за господство. В силу новыхъ потребностей капитала и на основѣ порожденныхъ ими великихъ техническихъ открытій и изобрѣтеній впервые намѣчалась демократизація знаній. Дух новаго времени—новый принципъ соціальной организаціи—пробивалъ себѣ дорогу черезъ всѣ препятствія, среди культурныхъ столкновеній, порою невиданно жестокихъ. Гуманизмъ, возрожденіе наукъ и искусствъ и Великая Реформація знаменуютъ огромные по своей важности этапы его наступленія, побѣдъ его надъ прошлымъ. Прежній, стихійный консерватизмъ жизни подрывается в основѣ. Темъ развитіи рѣзко измѣняется.

а) Индивидуализмъ и мѣновой фетишизмъ.

Элементомъ буржуазнаго общества является мѣновое частное хозяйство, зависящее отъ соціального дѣлага вслѣдствіе объективной связи общественнаго раздѣленія труда, но в то же время противостоящее всѣмъ другимъ подобнымъ хозяйствамъ на рынкѣ, гдѣ эта связь реализуется. Двѣ стороны экономическаго положенія буржуазной общественной ячейки находятъ себѣ выраженіе в двухъ сторонахъ ея идеологіи—в индивидуализмѣ и мѣновомъ фетишизмѣ. Первый есть обобщающая схема обособленности—борьбы индивидуальныхъ интересовъ, оторванности элемента отъ его дѣлага; второй, наоборотъ, схема соціальной связи—извращенная и опустошенная настолько, что становится идейно совмѣстима с первой.

Член буржуазнаго общества получает свое практическое воспитаніе в борьбѣ индивидуальных интересов; он противостоит на рынкѣ другим членам того же общества, как собственник своих товаров—другим собственникам. В своих расчетах он вынужден систематически учитывать их силу, как враждебную, их задачи—как противоположныя своим личным задачам, будут ли они его контр-агенты в обмѣнѣ, или конкуренты, тѣ вещи, которыя он называет „своими“, для него несравненно ближе, чѣм эти люди, которые представляются ему „чужими“. Отсюда возникает опредѣленное направленіе мыслей, обобщающая линія работы сознанія. Всѣ элементы бытія разграничиваются по категоріям „мое“ и „не мое“, а сам человек становится для себя автономным „я“, обособленным центром активности, познанія, стремленій, которому в качествѣ чуждаго или враждебнаго „не-я“ противопоставляется все остальное. Мышленіе и чувство, вращающіяся в этих категоріях, и образуют сущность индивидуализма. Из экономической сферы его тенденціи распространяются на всѣ другія области, окрашивая собою и науку, в которой субъектом познающим признается индивидуум, и искусство, в котором он же является героем, и социальныя нормы, в которых опять-таки он выступает как носитель отвѣтственности—правовой, этической. Отвлеченная философія завершает эту линію, создавая фикцію чистаго „я“, собственника всѣх переживаній личности, т.-е. на дѣлѣ—живых ея элементов.

Но дѣйствительность несравненно шире построеній индивидуализма: она и в мѣновом обществѣ заключает объективное сотрудничество, объективную связь и взаимную зависимость людей, которыя борьба рынка, столкновенія интересов, разграниченія собственности могут только замаскировать, но не уничтожить; иначе не было бы и самаго общества. Тот же рынок есть и центр организаціи социальных связей, пункт, гдѣ реализуется сотрудничество. На рынкѣ товаропроизводитель находит возможность из общественнаго труда, кристаллизованнаго в „чужих“ товарах, почерпнуть необходимыя условія для поддержанія и развитія своей жизни, отдавши другим свою долю того же общественнаго труда в видѣ „своих“ товаров. Эту возможность он и называет „мѣновой стоимостью“. Но ея социальный смысл и содержаніе недоступны ему, как индивидуалисту,—заслонены от него антагонизмом и обособленностью частно-хозяйственных клѣточек общества. Мѣновая стоимость сводится для него к голой способности обмѣна и превращается в „природное“ свойство товара, с которым она связана, на ряду с другими его свойствами—вѣсом, цвѣтом и т. д. В этом абстрактно-фетишистическом видѣ она не только не противорѣчит индивидуализму мышленія и воли, но, напротив, дает ему новую опору. Поскольку товар есть „собственность“

даннаго лица, постольку мѣновая стоимость товара превращается в индивидуальную силу, дает человѣку власть пріобрѣтенія чужих товаров, власть над различными благами товарнаго міра. Деньги—завершенная форма фетиша мѣновой стоимости—указывают индивидууму новый путь к расширенію личнаго бытія, к развитію личнаго могущества, ставят перед ним идеал безграничнаго накопленія. Соціально-трудоваѣ энергія, сила сотрудничества, в еѣ денежном переодѣваніи, становится чисто индивидуальной цѣлью, и еще рѣзче противопоставляет человѣка другим людям в борьбѣ с ними за эту цѣль.

Таким образом, мѣновой фетишизм есть необходимое приспособленіе человѣческаго сознанія к объективно-противорѣчивым условіям жизни мѣноваго общества, гдѣ соціальная связь производства реализуется в индивидуалистической борьбѣ рынка. Поэтому такой фетишизм и является для этого общества „объективной, т.-е. соціально-значимой формой мышленія“, как было указано его первым критиком, Марксом¹⁾. И по той же самой причинѣ область фетишизма не ограничивается рынком, а расширяется на весь человѣческій опыт, всюду сопровождая индивидуалистическую тенденцію.

Так, мѣновое общество еще болѣе, чѣм всякое иное, нуждается в соціальных нормах, регулирующих поведеніе людей, в обычаях, правѣх, нравственности, вносящих необходимые элементы организованности в анархичныя отношенія „автономных“ человѣческих атомов. Без этого регулированія оно разложилось бы, распалось бы в пыль; самая жизнь рынка стала бы немыслимой, так как антагонизм покупателя и продавца, вражда конкурентов между собою, обостряясь, постоянно переходили бы в стихійную борьбу и грабеж, если бы их не ограничивало общее признаніе взаимных прав и обязательств. Эти нормы и всѣ им подобныя служат выраженіем коллективных интересов—общества в цѣлом или его классов или соціальных групп,—и вырабатываются коллективным процессом приспособленія; в них кристаллизованы, оформлены реальныя общественныя связи.

Но индивидуалисту недоступен этот жизненный смысл этических и правовых норм, ибо недоступен его сознанію самый коллектив, истинный субъект их и источник. Подчиняясь нормам, товаропроизводитель относится к ним, как к силѣ для него вѣшной и независимой от него; иначе и быть не может, потому что не он создал их,—он находит их готовыми, объективно-данными, и часто ощущает их силу, как сурово-принудительную, как безпощадно-враждебную личным его стремленіям и чувствам. Значит, не видя источника обязательности норм в коллектив-

---

¹⁾ „Капитал“, т. I, русск. перевод Базарова и Степанова, стр. 42.

ности, и, не находя его в самом себѣ, фетишист вынужден относить его просто к самим нормам: им должно подчиняться, потому что онѣ—нормы. Правовое требованіе подлежит исполненію потому, что оно „закон“; этическое правило слѣдует соблюдать потому, что это „нравственно“. Как мѣновая сила—стоимость—приписывается матеріальной вещи, товару, так регулятивная сила—обязательность—приписывается идеальной вещи—нормѣ. И здѣсь, и там основа фетишизма одна и та же, а именно, разрыв между личностью и социальным цѣлым, утрата сознанія сотрудничества; и здѣсь, и там характер извращенія один и тот же: отношенія людей понимаются, как свойства вещей¹⁾.

Точно такую же эволюцію, в силу тѣх же условій, испытывает и область познанія. Мы уже видѣли (в главѣ об античном рабствѣ), что именно на почвѣ обмѣна и ускореннаго благодаря ему темпа технического развитія произошло выдѣленіе научных и философских знаній из религіозной оболочки. Дѣло не только в том, что накопляются новыя данныя опыта, которыя по своему очевидному генезису не могут уже разсматриваться, как священные откровенія, как наслѣдіе обожествленных предков, ибо заимствованы при мѣновых сношеніях от чужеземцев, или самостоятельно открыты на памяти живущаго поколѣнія. Дѣло в том, что новая систематизація знаній неразрывно связана с измѣненіем самой точки зрѣнія на них, самаго смысла, который вкладывается в понятія. Они принимают вид отвлеченной или „чистой“ истины.

Объективно, знаніе представляет социальный продукт и социальное орудіе, кристаллизованный трудовой опыт, который служит средством для дальнѣйшей борьбы с природою. Могущество той или иной истины, возможность опираться на нее в нашей практикѣ, есть результат того факта, что в этой истинѣ воплощена извѣстная сумма цѣлесообразно затраченной социальной энергіи труда—познанія. Но может ли так по-

---

¹⁾ Буржуазное общество полно еще остатками авторитарных отношеній и неизбѣжно нуждается в них для скрѣпленія своей организаціи (государство, армія, семья, капиталистическое предпріятіе строятся в той или иной степені по авторитарному типу). Вслѣдствіе этого и в мірѣ норм сохраняются большей частью пережитки авторитарнаго фетишизма: справедливость, долг и т. под. разсматриваются как велѣнія высшаго существа. Но само оно пріобрѣтает отвлеченный, опустошенно-безличный характер, свойственный понятіям мѣноваго фетишизма, и из конкретного жизненнаго образа дѣлается чистым абсолютом, абстрактным совершенством. При этом логика мѣноваго фетишизма вытѣсняет авторитарную логику: правовой или нравственный законы не потому „справедливы“ и „моральны“, что выражают волю абсолюта, а, напротив, потому и являются велѣніями абсолюта, что они „справедливы“ и „моральны“; абсолютъ, будучи чистым совершенством, не может предписывать ничего, кромѣ „должнаго“.

имать ее член буржуазного общества, насквозь проникнутый индивидуализмом? Конечно, нѣтъ; и здѣсь, как в других случаях, связь коллективной дѣятельности недоступна его взгляду.

Не должна ли в таком случаѣ истина казаться ему просто индивидуальным продуктом, тѣм болѣе, что в буржуазном обществѣ она и открывается обыкновенно отдѣльной личностью? Но этому противорѣчит подчиняющая сила истины, ея „общеобязательность“, невозможность создавать ее по произволу. И в свою очередь, истина становится для человѣка внѣшней, независимой от него силой, которую он может лишь искать, открывать, угадывать, но отнюдь не создавать: она существует „сама по себѣ“, она общеобязательна потому, что она—истина, а отнюдь не по какой-либо иной причинѣ; в этом ея „абсолютный“, самодовлѣющий характер. Ея отношеніе к человѣческой практикѣ—лишь частное и случайное проявленіе высших ея свойств; и внѣ всякой практики она существует, как „чистая“ истина, которая была, когда еще не было человѣчества, и останется, когда оно исчезнет. Здѣсь опять социальная активность людей фетишизуется в видѣ свойства особых не-матеріальных вещей, называемых идеями. Это едва ли не наиболѣе устойчивый из видов того фетишизма, который возникает на почвѣ социальных условій мѣнового общества; с разоблаченіем этого фетишизма современное сознание примиряется всего труднѣе¹⁾.

Так все мировоззрѣніе товаропроизводителя проникается своеобразными, метафизическими элементами. В соотвѣтствіи с ними развивается и пониманіе всеобщей связи явленій—концепція причинности. Она

1) Очевидно, что фетишизм идей, равно как и фетишизм норм, подобно фетишизму мѣновой стоимости, объективен, т.-е. общезначим для той социальной системы, отношеніям которой он соответствует. Отрѣшаться от него возможно, только став на точку зрѣнія иной общественной формации,—того коллективистического общества, зародыши котораго уже имѣются теперь в новых формах сотрудничества, свойственных рабочему классу. А в обычных практических отношеніях современному человѣку, даже вполне ясно понимающему смысл и направленіе социального развитія, нѣтъ по большей части никакой нужды и никакой выгоды отрѣшаться от этого фетишизма: покупая необходимыя вещи, незачѣм мысленно восходить от их денежной цѣны к ея социально-трудовой основѣ; опираясь на какую-нибудь норму закона или этики, нѣтъ надобности мысленно представлять весь ея социальный генезис; оперируя с научными идеями, часто было бы очень неудобно усложнять и без того трудную работу размышленіем о связи каждой из них с коллективной практикой. Нѣтъ особаго вреда, если при этом разныя понятія выступают в сознаніи человѣка не только в сокращенном видѣ, но и в привычной фетишистической оболочкѣ,—лишь бы критика во всякій момент была готова выѣшаться и разорвать эту оболочку, если потребуетсѣ.

принимает вид „необходимости“—абстрактной и безличной, внешней для самих явлений силы, принудительно определяющей их последовательность, их наступление и прекращение. Легко проследить, откуда взялась эта самая голая из абстракций буржуазного мышления.

В образъ стихійных сил рынка над личностью господствует экономическая необходимость. Она принудительно направляет дѣйствія товаропроизводителя и безапелляціонно рѣшает его судьбу. Кон'юнктура ведет его, в производственной и мѣнновой его жизни, часто туда, куда он вовсе бы не хотѣл, и приводит к тому, чего он вовсе не ожидал. Но ея социальное содержаніе для него недоступно, он не видит в ней ничего, кромѣ чистой кон'юнктуры, т.-е. обусловленности, или чистой необходимости, т.-е. непреодолимой для него силы. Она властно развѣртывает в его опытѣ цѣль экономических явленій, она одна связывает звенья этой цѣпи. Она становится, слѣдовательно, неизбежной формою мышления для основной и главной области человѣческаго бытія в мѣнновом обществѣ, для экономической его жизни.

Естественно, что и в других областях опыта мышление примѣняет наг за шагом эту же, раз выработанную им, и в то же время объективно навязанную ему форму. Всякая постоянная связь явленій одѣвается в оболочку „необходимости“, как в авторитарном обществѣ она одѣвалась в оболочку власти-подчиненія, которая там была формою постоянной связи экономических процессов. Новая, метафизически-абстрактная схема причинности оттѣсняет старую схему (борьба идеи „необходимости“ против идеи „свободы“, т.-е. произвола, или авторитарной причинности). Этим завершается новая система міровоззрѣнія.

Степень ея выработанности зависѣла, конечно, от развитія новаго строя. Именно эпоха торговаго капитала принесла с собою такой прогресс мѣнновых отношеній, при котором они получили рѣшительное преобладаніе над прежними социальными формами, и стала возможною полная, а не только частичная выработка мѣнновой идеологій. Тогда возник новый человѣческій тип, являвшійся для своего времени невиданно-революціонным. Это тип человѣка, ведущаго борьбу за отвлеченныя цѣли, и способнаго противопоставить свое личное убѣжденіе, свою индивидуальную волю всей окружающей средѣ.

Мы знаем, какой отвлеченный характер пріобрѣла в мѣнновом обществѣ жажда накопленія: в своих наиболѣе законченных проявленіях она превращается в самое страстное служеніе абстрактному идеалу мѣнновой стоимости, во имя котораго рвутся порою всякія социальныя и родственныя связи, нарушаются иногда всякіе законы. Самых энергичных и жестоких піонеров этого типа выдвинул торговый класс, и специально—реставраціи. Не жады никаких чужих интересов, пренебрега-

мнѣніемъ окружающихъ, эти люди всей своей дѣятельностью неуклонно разрушали старыя, патріархальныя отношенія и патріархальныя нравы. „Герои“ первоначальнаго накопленія в своей кипучей активности, ломающей самыя прочныя рамки прошлаго, обнаруживаютъ, дѣйствительно, своеобразный героизмъ,—какъ ни безобразны, с современной точки зрѣнія, конкретныя формы этой активности. Об'ективно, они являлись огромной и необходимою революціонной силою¹⁾. Они строили фундамент новаго общества, при чемъ, подчиняясь индивидуалистической иллюзіи, думали, что работаютъ для себя, тогда какъ на дѣлѣ они были слѣпыми орудіями исторіи; стихійнымъ ея тенденціямъ служило ихъ фетишистическое сознаніе и воля.

На первый взглядъ можетъ показаться крайне произвольнымъ и несправедливымъ сопоставленіе этихъ жрецовъ мѣновой стоимости съ тѣми идеалистами—борцами за справедливость или за истину, которые с огромной энергіей вырабатывали идеологію буржуазнаго общества, и с величайшими личными жертвами за нее боролись. Однако, на дѣлѣ тѣ и другіе—выразители различныхъ сторонъ одной и той же исторической тенденціи. Тѣ и другіе служатъ абстрактнымъ идеаламъ, представляющимъ не что иное, какъ модели, по которымъ формируется социальная система новаго времени. Тѣ и другіе фетишизируютъ свои идеалы, и путемъ такого фетишизированья способны подниматься надъ непосредственными, частными интересами своей личности, надъ своими обычными потребностями, даже надъ инстинктомъ самосохраненія: ибо, напр., и „скупой рыцарь“ способенъ не только рисковать, но даже отдать свою жизнь ради защиты своего сокровища. В то же время, в борьбѣ за свои, правда, несходныя цѣли, тѣ и другіе готовы противопоставить свою индивидуальную волю всей социальной средѣ, всѣмъ авторитетамъ прошлаго...

Тутъ, конечно, есть и немалыя различія. Служеніе фетишу стоимости гораздо сильнѣе выдвигаетъ собственно-индивидуалистическую тенденцію, гораздо меньше отрывается отъ личной выгоды,—и даже болѣе того, обыкновенно истолковывается, какъ самимъ героемъ накопленія, такъ и его окружающими, в смыслѣ простаго служенія этой выгодѣ. Напротивъ, идеализмъ справедливости или истины понимается, какъ нѣчто противо-

¹⁾ Моральная оцѣнка прошлаго с точки зрѣнія чувствъ и идеаловъ настоящаго вообще бесполезна в социальномъ изслѣдованьи, да и примѣняется, обыкновенно, очень нелогично и непослѣдовательно. Такъ, герои ростовщичества и всяческаго закабаленія даже в смыслѣ жестокости и кровожадности далеко уступали своимъ предшественникамъ, героямъ-завоевателямъ феодальной эпохи, а также конкистадорамъ—открывателямъ и колонизаторамъ новыхъ земель в болѣе позднемъ періодѣ торговаго капитализма,—но моральное осужденіе получаютъ полностью, тогда какъ тѣмъ чаще всего достается ореолъ славы.

положное лично-корыстным стремлѣніямъ. Зависитъ это различіе отъ того, что фетишизмъ стоимости непосредственнѣе и тѣснѣе связи съ фетишизмомъ частной собственности, т.-е. съ самой сущностью индивидуализма. Напротивъ, этическія нормы, а также научныя и философскія идеи, съ ихъ широко-организующимъ значеніемъ, скрываютъ подъ своей метафизической маскою въ большей мѣрѣ тенденціи коллективизма, обще-соціального или хотя бы только классового. Стоимость можно присвоивать себѣ индивидуально, истину же нельзя—ее можно лишь индивидуально „открыть“.

Два вида героев различаются приблизительно въ такомъ же смыслѣ, какъ завоеватели и святые—два параллельныхъ вида, свойственные феодальному обществу.

Безъ сомнѣнія, всѣ эпохи имѣютъ своихъ героев, своихъ идеалистовъ. Но только мѣновое общество создаетъ героев абстрактной цѣли, идеалистовъ отвлеченнаго. Такъ, завоеватели и святые были людьми конкретныхъ практическихъ цѣлей, матеріально-чувственныхъ идеаловъ: господство надъ опредѣленными территориями и лицами, полученіе даней въ натуральной формѣ опредѣленныхъ продуктовъ, спасеніе отъ физическихъ пытокъ и казней ада, физическія наслажденія рай¹⁾ и т. под. Впослѣдствіи, когда вмѣстѣ съ обмѣномъ въ феодальное общество вводятся новыя формы мышленія, прежніе конкретные идеалы одновременно и расширяются, и опустошаются отъ живого, яркаго содержанія, расплываясь въ абстракціи: власть, богатство, спасеніе души, все это получаетъ отпечатокъ метафизическаго сознанія, „образы“ уступаютъ мѣсто „идеямъ“, все болѣе схематичнымъ, стремящимся оторваться отъ всякой данной дѣйствительности, стать „абсолютными“, т.-е. самодовлѣющими: идеализмъ конкретнаго шагъ за шагомъ преобразуется въ идеализмъ отвлеченнаго. Такое превращеніе было уже разъ пережито въ античномъ мірѣ, его нравственная и теоретическая философія ясно свидѣтельствуетъ объ этомъ. Но тамъ не успѣла завершиться выработка новыхъ активныхъ типовъ—она была остановлена упадкомъ культуры, раствореніемъ обезсиленнаго мѣноваго общества въ феодальной средѣ. Лишь позднѣйшій капитализмъ, торговый и затѣмъ промышленный, закончилъ эту выработку, воспользовавшись и всѣмъ тѣмъ, что могло дать ему наслѣдство античнаго міра.

Съ точки зрѣнія экономической науки, всѣ отмѣченные нами сей-

1) Валгалла, Магометовъ рай какъ нельзя болѣе типичны для настоящаго феодальнаго идеализма. Христіанскій рай также былъ первоначально вполнѣ чувственнымъ идеаломъ; тѣлесный характеръ „второй жизни“ отчастиливо подчеркивается въ христіанской міеологіи. Данте жилъ въ эпоху торговаго капитала, и потому его рай уже глубоко обезцвѣченъ,—по немъ нельзя судить о первоначальной концепціи.

час явленія, т.-е. індивідуалізм, різні форми абстрактного фетишизму, новий психологічний тип героїв накопленія, новий тип ідеологів,—інтересні і важні постольку, поскільки в них втілюються умови економічної прогресивності общества или его консерватизма. И в данном случаѣ для нас должно быть очевидно преобладаніе прогрессивной тенденції. Пусть індивідуалізм, отрываючи формально личность от коллектива, разрываючи общество на атомы, тѣм самым уменьшает сумму общественной силы, противостоящей природѣ, и сумму элементов развития, доступных отдѣльной личности, но зато он заставляет и учит эту личность искать новых, лучших орудій и условий для борьбы ея за существованіе, для сохраненія своей позиции среди других, ей подобных и в то же время враждебных ей личностей: ей надо идти вперед, чтобы не быть сброшенной вниз. Пусть соціальний фетишизм извращает дѣйствительность, окутывает ее туманом опустошенных понятий; но зато он ставит перед индивидуумом неопредѣленно широкія, неограниченныя задачи, и под покровом своей безличности поддерживает его объективную связь с коллективом, увеличивая тѣм самым возможности развития. И если новые типы экономических и культурных дѣятелей чужды живого сознанія своей связи с соціальным цѣлым, из которого исходит и которому реально служит их работа,—то, по крайней мѣрѣ, благодаря этому их тѣм менѣе связывает и соціальная традиція, которая была в предыдущія эпохи столь властною консервативною силой.

Вот почему с началом капитализма, даже торгового, рѣзко изменяется темп общественного развития. Перемены, для каких в эпоху феодальную потребовались бы цѣлые вѣка, здѣсь совершаются в каких-нибудь десятки лѣтъ.

б) Начало демократизації знаній.

Сословный строй феодальнаго міра дѣлал знаніе привилегіей немногих, а именно духовных феодалов, жречества с его универсальной мирно-организаторской функціей в обществѣ. Не только для крестьянской массы, но и для свѣтских феодалов глубочайшее невежество было общим правилом, простая даже грамотность—рѣдким исключеніем. Из этого не возникало никаких противорѣчій, в распространеніи знаній не было никакой соціальной необходимости: натуральное хозяйство с его стереотипно повторяющимися человеческими отношеніями и застойною техникой легко обходилось обыденным, не систематизированным опытом, и почти не нуждалось в письменности. В тѣх же немногих случаях, которые выходили из рамок повседневнаго, на сцену выступал жреп, который заботливо охранял от „непосвященных“ монополію своих

„высших“ знаній, на современный масштаб тоже весьма незначительных и недостаточных, чтобы поддерживать среди других сословій мистическое уваженіе к духовенству.

В мѣновом обществѣ условія совершенно иныя. Обращеніе товаров и кредит создают потребность и в точном счетѣ, и в широком примѣненіи письменных документов: грамотность необходима товаропроизводителю для сколько-нибудь успѣшнаго выполненія функцій, связанных с рынком. Это не значит, разумѣется, что с переходом к денежному хозяйству элементарное образованіе немедленно разливается в массах, и грамотность становится всеобщей. Напротив, в эпоху торговаго капитала количественно преобладают еще долго противоположныя тенденціи. Но все же тѣ знанія, которыя принято теперь называть первоначальными, весьма быстро перестали быть исключительным достояніем немногих избранных, и стали довольно обычными по крайней мѣрѣ среди горожан, да и среди крестьянства захватили тѣ его верхніе слои, которые начали специализироваться на торговлѣ и ростовщичествѣ. А невѣжество и темнота остальной массы послужили могучим орудіем ея экспроприаціи, обостряя, но и ускоряя суровый процесс первоначальнаго накопленія.

Власть новых общественных форм вынуждала, однако, развитіе и распространеніе не только грамоты, но также иных, болѣе сложных знаній. Исканіе рынков и все болѣе разраставшіяся связи с отдаленными странами, зависимость рыночной кон'юнктуры от политических комбинацій толкали к ознакомленію с географіей, исторіей, иностранными языками, изученію законов и обычаев и т. под. Технические потребности торговаго мореплаванія были стимулом развитія астрономіи, математики, а затѣм оптики и т. д. Многочисленность и разнообразіе обращающихся товаров, необходимость разбираться в их качествах и методах производства двигали вперед разныя другія отрасли естественных наук. А зависимость людей от рынка и измѣнчивость кон'юнктуры заставляли общественную мысль работать над экономическими вопросами, пролагали путь к социальным наукам.

И всѣ эти новыя знанія уже не могли быть привилегіей того или иного сословія, как не могли носить священно-традиціоннаго, мистическаго характера „высших“ знаній феодальной эпохи. Жажда знаній, как силы, помогающей проложить дорогу в социальной борьбѣ, охватывала все болѣе широкія массы; демократизація этой силы неизбежно развивалась постольку, поскольку допускали объективныя условія: с одной стороны, сопротивленіе враждебных ей феодальных классов, с другой стороны — превращеніе знаній в товар, для покупки котораго нужны деньги, что весьма долго еще преграждает путь к наукѣ самым

многочисленным слоям общества, а особенно в эпоху систематического их разорения торговым капиталом.

Демократизация знаний подрывала консерватизм общественного сознания и расширяла базис культурного развития. Этим облегчался и ускорялся экономический прогресс.

с) Гуманизм и Возрождение.

Идеологическое наследство античного мира нѣсколько вѣков лежало без движенія. Культура, созданная рабовладельческим мѣновым обществом, и именно тѣми его слоями, которые по преимуществу жили в сферѣ денежно-мѣновых отношеній, не подходила к условіям натурально-хозяйственного феодализма, и в наибольшей своей части не могла найти примѣненія на его почвѣ. Огромное большинство произведеній античной науки, философіи, искусства погибли жертвами средне-вѣковой тьмы; но нѣкоторая часть успѣла сохраниться—в архивах монастырей, кой-гдѣ и в древних замках феодалов или среди заброшенных развалин; еще нѣкоторая доля дошла через арабов, и т. д. Монастыри не случайно явились главными хранителями этих сокровищ,—мы знаем, что, поскольку обмен существовал и развивался в феодальном обществѣ, именно они были его обычными центрами и главными представителями; к тому же монастыри всего рѣже разграблялись в ту воинственную эпоху. Во всяком случаѣ, остатки античного познанія и творчества разными путями дошли до того времени, когда мѣновыя отношенія вновь стали пріобрѣтать преобладающую роль в обществѣ. Тогда стало возможно и необходимо использование античного наследства,—началось его возрожденіе.

Без сомнѣнія, античныя формы жизни во многом отличались от тѣх, которыя развивались на порогѣ Средних Вѣков и Нового Времени. Но все же мѣновая идеологія была в высокой мѣрѣ выработана классической древностью, а именно в мѣновой идеологіи нуждался нарождавшійся торговый капитализм. Ему давались таким образом готовыми масса организующих форм, которыя как нельзя легче было приспособить и примѣнить к новым условіям жизни. Если мы примем в соображеніе, какой огромной и длительной работы требует выработка той или иной идеологіи вообще,—а особенно такой сложной, как идеологія полного противорѣчій буржуазнаго общества,—то для нас станет ясным, насколько важное сбереженіе соціальной энергіи достигалось воскрешеніем античной культуры, насколько облегчалось им соціальное развитіе. В этом и состояло ея „революціонное значеніе“ для новой эпохи. Было бы ошибочно думать, что возрожденная идеологія древности была одной

из движущих сил социального развития. Идеология вообще не может играть такой роли, она всегда только организует то, что развивается, но сама по себе не порождает развития, не является исходным его пунктом. Древняя культура удовлетворяла социальные потребности, независимо от нее порождавшиеся тогда развитием экономическим или техническим, и лишь в такой мере, в какой она их удовлетворяла, она находила себе место и применение. Она в готовом виде, в законченно выработанных формах давала именно то, что вырабатывается с наибольшим трудом, оформляется наиболее медленно—руководящие принципы нового мироотношения, основные схемы нового мышления; а в остальном, в частности, она представляла богатейший материал для творческого приспособления к новым условиям, путем вариаций, чем еще более оживляла, стимулировала идеологическую работу эпохи. Этим избегалась масса лишних шатаний и исканий, особенно тяжелых в неблагоприятной обстановке эпохи, где материальная сила и власть прошлого были еще огромны, где оно не раз еще одерживало жестокие победы, разрушая созданное борьбою поколений. И нет никакого сомнения, что развитие таким образом было ускорено на целые столетия.

Так из своей могилы, после ряда веков, античный мир протягивал руку своему более счастливому наследнику, своей могучей поддержкой помогая ему встать на ноги и преодолеть жестокие сопротивления консервативной среды, в которой зарождалось, с которой на первых же шагах резко столкнулось буржуазное общество.

Гуманизм, широким идейным течением разлившийся тогда по Западной Европе, был отнюдь не только воскрешением забытой культуры,—он был и первой систематизацией нового, индивидуалистического мировоззрения. „Человеческое“, humana, сознательно противопоставлялось „божественному“, divina, т. е. человеческая личность, с ее жаждой силы и счастья,—авторитарной тенденции. Хотя классический мир не достиг цельного, завершенного индивидуализма, хотя у него была своя авторитарная сторона, и сильно развитая, воплощенная в отношениях свободных людей к рабам,—но, разумеется, не этой его стороной интересовался и пользовался гуманизм, противопоставляя свет далекого прошлого—тьме остатков средневековья.

Буржуазный мир вкладывал и много нового содержания в идеологические формы, заимствованные древностью. А затем, начиная тем, где она, в силу своей исторической судьбы, должна была кончить, он, полный новых элементов развития, шел дальше. Из гуманизма исходила богатая литература, все более освобождавшаяся от подражания античной, исходила деятельная работа мысли, все более независимая и радикальная в своей критике. И все это служило для оформления новых

практических тенденцій жизни, для організації нових соціальних сил. Создавалась культурно-революційная атмосфера безпокойнаго, жаднаго исканія, недовѣрія к окружающему, смутных ожиданій лучшаго будущаго, атмосфера страстной борьбы за фетишизированные личныя выгоды и за безличныя идеологическія цѣли.

В этой атмосферѣ естественно рождались великія открытія и изобрѣтенія.

д) Великія открытія и изобрѣтенія.

Тѣ новыя потребности, которыя создавались развитіем торговаго капитализма, направляли энергію общественной мысли на выполнѣ опредѣленные задачи. Это было, прежде всего, исканіе денег и новых рынков.

Добываніе благородных металлов, не особенно значительное в Европѣ и в античную эпоху, пришло совсѣм в упадок за період Средних Вѣков: господство натурального хозяйства, безчисленныя феодально-грабительскія войны, наконец, просто истощеніе старых рудников, при невозможности открытія новых в самой Европѣ, достаточно объясняют этот факт. Сношенія с Индіей, которая долго была главной поставщицей благородных металлов для Запада, были почти оборваны сарацинским, а затѣм турецким завоеваніем промежуточных стран. Раньше накопленные запасы денежнаго матеріала в теченіе ряда столѣтій сильно растаяли, часть их исчезла путем естественнаго стиранія монет, часть затерялась среди междоусобій в видѣ бесполезных „кладов“, часть понемногу просочилась в тѣ же восточныя страны, в уплату за предметы роскоши, покупавшіеся богатыми феодалами. Когда натуральное хозяйство стало вновь уступать мѣсто денежно-мѣновому, то все болѣе и болѣе чувствовался недостаток в деньгах, как покупательном средствѣ. Это было серьезным препятствіем на пути экономическаго развитія.

Мѣновая цѣнность благородных металлов возросла при таких условіях в очень высокой степени; это еще обостряло жажду денег, стремленіе найти новые их источники. Далеко не всегда стремленіе это выливалось в цѣлесообразныя формы; примѣръ—поиски алхимиков за философским камнем, который превращал бы грубую матерію в золото. Но и на таких путях достигались порою весьма прогрессивныя, хотя и не вполне предусмотрѣнные, побочные результаты: та же алхимія дала цѣлый ряд технически-важных химических и медицинских открытій. В новой исторической атмосферѣ подобныя пріобрѣтенія уже не затеривались, а находили себѣ распространеніе и примѣненіе; самый яркій примѣръ—открытіе пороха. Главную же линію тогдашних исканій представляли дальнія путешествія, цѣлью которых были новые рынки, и особенно полу-миѣическая для тогдашних европейцев Индія. Как из-

вѣстно, в этих попытках было найдено гораздо больше, чѣм искали: не только морской путь в Индію, но и Америка, и цѣлый ряд неизвѣстных раньше стран Африки, Азіи, Океаніи. Поле труда и культуры, а в первую очередь торгово-капиталистической эксплуатаціи расширилось во много раз: базис для историческаго развитія оказался во много раз больше, чѣм у античнаго міра. В то же время была достигнута и непосредственная цѣль исканій: волны золота и серебра хлынули на Европу, грабеж и порабощеніе новых стран с успѣхом замѣнили философскій камень, царство денежнаго фетиша побѣдоносно охватило весь мір.

Феодальные устои быстро расшатывались, но еще не были разрушены. Сопротивленіе средневѣковых сословій новым тенденціям жизни становилось тѣм упорнѣе, тѣм ожесточеннѣе, чѣм ярче выступали эти тенденціи, чѣм очевиднѣе обнаруживалась их несовмѣстимость с остатками прошлаго: стоит только вспомнить судьбу большинства великих ученых и изобрѣтателей того времени, отчаянную борьбу жречества против ересей, не менѣе отчаянную защиту безчисленными феодалами своей независимости, дѣлавшей немислимым развитіе національнаго и мірового рынка. Против таких препятствій буржуазный мір выдвинул свою новую боевую технику: порох—для подчиненія свѣтских феодалов, книгопечатанье—для ниспроверженія духовных. Дѣйствіе этой новой техники обыкновенно понимают очень упрощенно и наивно: порох преодолѣл брони рыцарей и стѣны замков, книга разнесла по свѣту научныя знанія, разрушающія жреческую міеологію. Нельзя сказать, чтобы это было невѣрно,—но такая картина не полна и не точна.

Сила пороха должна была оказаться на службѣ у мѣноваго хозяйства противъ натурального прежде всего потому, что постоянное добываніе матеріалов для производства пороха было возможно лишь в сравнительно немногих мѣстностях, и пріобрѣтать порох приходилось вообще путем покупки, через посредство достаточно развитого рынка с дальними торговыми сношеніями. Поэтому порох мог широко проявить свои демократически-военныя свойства—уравниванье забронированнаго рыцаря с простым наемнымъ ратником—только тогда, когда система обмѣна укрѣпилась прочно и феодальная организація уже была подорвана экономически. Точно так же и книгопечатаніе не могло бы выполнить своей революціонной функціи, если бы феодально-жреческая привилегія учености не потеряла объективно своего значенія и если бы порожденная новыми условіями соціальной борьбы жажда знанія не разливалась все шире в народных массах. Главная анти-феодальная роль огнестрѣльнаго оружія и типографскаго станка относится не к началу, а к эпохѣ расцвѣта торговаго капитала.

Другія великія открытія были выдвинуты потребностью торговаго

капитала в новых способах сношеній и транспорта, спеціально же—в океаническом мореплаваніи. Таковы—примѣненіе компаса, новая (коперниковская) астрономія, усовершенствованіе часов и угломѣрных инструментов, изобрѣтеніе телескопов и т. под.,—цѣлый ряд новых и лучших методов ориентировки в дальних путешествіях по неизвѣстным раньше морям и странам¹⁾.

Так, разными путями, торговый капитализм расширял систему человѣческаго опыта там, гдѣ это было ему нужно. Экономическія потребности направляли мышленіе людей, как и их волю, по линіям объективных исторических задач; индивидуальное творчество было всюду лишь точкой приложенія развивавшихся соціальных сил. Идеализм чистой истины был не чѣм иным, как фетишистически-переодѣтым стремленіем к соціально-необходимому. Каждый индивидуально сдѣланный шаг опыта закрѣплялся общественным развитіем и становился опорой дальнѣйшаго движенія.

е) Реформація.

Революціонная сила торгового капитала была в одинаковой мѣрѣ направлена и против свѣтскаго, и против духовнаго феодализма; но способ ея дѣйствія был здѣсь и там неодинаков. Свѣтски-феодальная организація отличалась крайней раздробленностью; поэтому политическая носительница принципов торгового капитализма, абсолютная монархія преодолѣвала ее постепенно, шаг за шагом, в теченіе иногда цѣлых столѣтій, столь же постепенно приспособляя к себѣ ея остатки. Напротив, организація жречества была, как мы знаем, централизована, она не могла распасться и раствориться по мелким частям; поэтому борьба с нею должна была рано или поздно принять форму грандіознаго революціоннаго кризиса. Такой революціей торгового капитализма и явилась Реформація.

Это была тяжелая и длительная революція, вызвавшая на арену политической борьбы всѣ тогдашнія соціальныя силы; она надолго предопредѣлила судьбу европейских народов. Страны, гдѣ она потерпѣла

---

¹⁾ Ученіе Коперника явилось результатом обработки и систематизаціи новых астрономических таблиц, составленных нѣсколькими десятками ученых по порученію одного из испанских королей в XIII вѣкѣ; необходимость составленія этих таблиц была вызвана непригодностью стараго астрономическаго матеріала для опредѣленій мѣста и направленія в дальних плаваніях. Оттуда же исходили стимулы к выработкѣ аппарата для точнаго измѣренія времени: часы, важнѣйшіи из астрономических инструментов, орудіе непосредственнаго опредѣленія долготы в путешествіях, были излишней роскошью для феодальнаго и ремесленнаго способов производства, которые легко могли довольствоваться приблизительным опредѣленіем времени на глаз, по положенію солнца и звѣзд на небѣ.

рѣшительную неудачу—Италія, Испанія—были обречены на цѣлые вѣка глубокаго соціального застоя, частью даже—деградациі. Другія страны получили тѣм большую свободу развитія, чѣм полнѣе избавились онѣ от господства старой церковной организаціи. Дѣло было вовсе не в том, насколько радикально отвергались прежніе догматы: революція была по существу соціально-политической, только в религіозной оболочкѣ, борьба велась против матеріальной силы духовенства.

Еще Маркс указал, что протестантизм представляет буржуазную версію христіанства, в противоположность католицизму—версіи феодальной. Может показаться странным, зачѣм вообще здѣсь понадобилась религіозная форма идеологіи, тогда как позднѣйшія буржуазныя революціи, в эпоху промышленнаго капитала, прекрасно обходились без нея. Но это станет понятно, если обратить вниманіе на экономически переходный характер самого торговаго капитализма,

Торговый капитализм зародился среди общества, в наибольшей своей долѣ феодальнаго, и лишь в меньшей—мелко-буржуазнаго. Он рос и развивался по преимуществу за счет феодальной и затѣм крѣпостной ренты, которую торговый класс умѣлыми операціями вытягивал от сеньеров и помѣщиков. Слѣдовательно, торговый капитал не только боролся со старым, авторитарным строем, но в значительной мѣрѣ также и опирался на него; и не случайно свою политическую организацію он создавал в видѣ абсолютной монархіи, не случайно эксплуатировал колоніи рабовладѣльческими и крѣпостническими методами. Поэтому буржуазный тип мышленія на почвѣ торговаго капитализма еще не способен эмансипироваться от авторитарной, или, что то же самое, религіозной формы, хотя и наполняет ее новым, своим собственным содержаніем. Только промышленный капитализм уже в силах принципиально ее отбросить.

Разумѣется, различіе соціальных групп, выступающих против духовнаго феодализма, отражалось в различных теченіях религіознаго реформаторства. Протестантизм нѣмецких князей с их бюрократіей и обуржуазившимся дворянством был неизбежно иной, чѣм протестантизм буржуазных республик Швейцаріи и Голландіи, и тѣм болѣе—иной, чѣм протестантизм ремесленнаго пролетаріата: угодливо-гибкое лютеранство, патріархально-суровый кальвинизм, ярко-революціонный анабаптизм и т. под. Вполнѣ естественно поэтому, что армія реформаціи послѣ первых побѣд над католицизмом, послѣ захвата князьями церковных имуществ и уничтоженія церковной десятины, обречена была на распаденіе с жестокими междоусобіями; и как ни противорѣчив с формально-логической точки зрѣнія образ дѣйствій тѣх сект и их вождей, которые, провозглашая свободу религіозной мысли, преслѣдовали затѣм

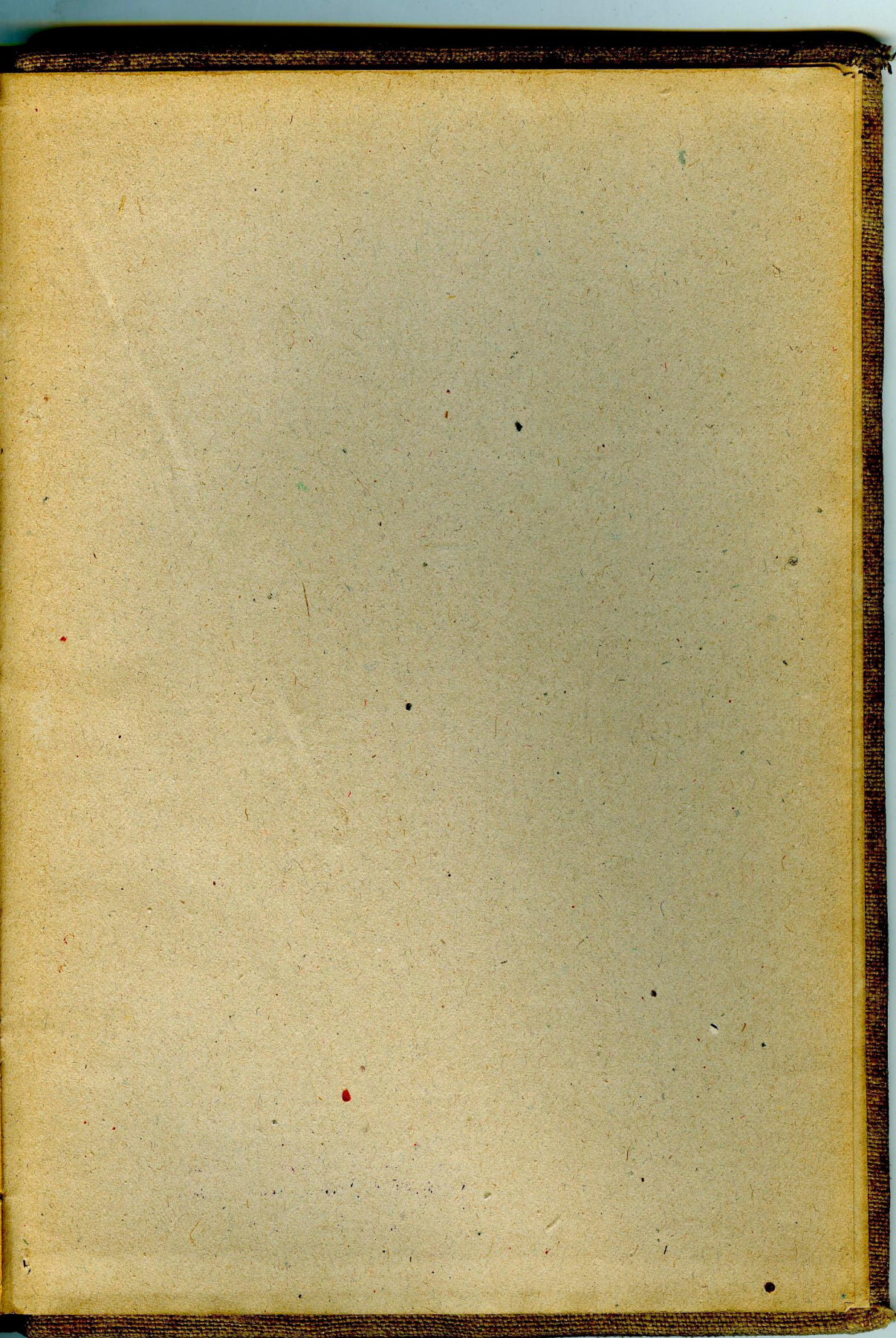

огнем и мечом, казнями и пытками другія, болѣ радикальныя секты,—но соціально-политическая логика интересов при этом выдерживалась вполне. Здѣсь отчетливо сказывается и организующая роль идей в соціальной борьбѣ, и господство ея „практическаго разума“ над теоретическим.

Переходный характер торговаго капитализма выразился не только в религіозной оболочкѣ его революціи, но также в самом ея ходѣ и в исходѣ. Лишь в немногих странах эта революція достигла своего завершенія,—в других она осталась незаконченной, в третьих послужила прологом глубочайшей и длительной соціальной реакціи. Силы буржуазнаго міра были еще слишком мало развиты и недостаточно организованы. Мѣстами—как это было в Германіи—растрата их в „религіозных“ войнах, возникших из Реформаціи, была так велика, что на цѣлыя столѣтія задержала экономическій прогресс. Но все же историческій путь буржуазнаго общества был намѣчен, и его новыя революціи могли начинать с уже достигнутых Реформаціей этапов.

44